

И. Ѳ. Анненскій.

ЦАРЬ ИКСІОНЪ.

ТРАГЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

СЪ МУЗЫКАЛЬНЫМИ АНТРАКТАМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная улица, д. № 6.

1902.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 Декабря 1901 года.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

„Сынъ Флегіи Иксіонъ (царь Гиртона, въ Фессалии), женившись на дочери (царя) Деіонея, Діѣ, обѣщаль, что отдасть за нее (отцу) богатые дары; но когда Деіоней прибылъ къ нему за этими дарами, то Иксіонъ приказаль сдѣлать яму и, затаивъ тамъ огонь, заложилъ ее тонкими досками и пепломъ. Деіоней упалъ въ яму и погибъ, а на Иксіона въ наказаніе напала Лисса (богиня безумія), и никто не хотѣлъ очистить его ни изъ боговъ, ни изъ людей, потому что онъ первый убилъ челоуѣка своей филою. Иксіона пожалѣлъ Зевсъ и очистилъ его, но Иксіонъ влюбился въ Геру. Тогда Зевсъ сдѣлалъ для ложа Иксіона облачное подобіе Геры, а позже, устроивъ „колесо о четырехъ спицахъ“, привязаль къ нему Иксіона, и тѣмъ покараль“. Вотъ какъ разсказывается въ одной изъ схолій къ „Аргонавтамъ“, Аполлонія Родосскаго († 186 г. до Р. Хр.) *) миѣ объ Иксіонѣ, послужившій автору помѣщаемой ниже пьесы сюжетомъ для его „драматической сказки“.

Миѣ объ Иксіонѣ, какъ разсказъ, не восходитъ особенно далеко въ древность: это былъ первоначально мѣстный Фессалійскій миѣ, и онъ отлился въ опредѣленную форму позже Гомера и даже Гесіода. Сравни-

*) Arg. 3, 62, Schol. cf. W. H. Roscher Ausf. Lexic. d. gr. u. rom. Mythol. s. v. Ixion.

тельно позднее происхождение мифа явствует хотя бы изъ того обстоятельства, что между вариантами его нѣтъ почти никакихъ противорѣчій. Для древняго міра Иксіонъ былъ однимъ изъ прототиповъ нечестія и вѣроломства, тѣмъ не менѣе, благодаря необычности и особой дерзости его преступленій, всѣ три великихъ греческихъ трагика V вѣка сдѣлали его предметомъ своихъ трагедій, и Аристотель (Poet. с. 18) говоритъ о патетичности самаго сюжета. Фантазія древняго грека помимо моральной стороны мифа, несомнѣнно, поражалась и представленіемъ о необычной пыткѣ Иксіона. На одной Куманской росписной вазѣ, находящейся въ Берлинѣ (№ 3023; cf. W. H. Roscher Ausf. Lex. s. v. Ixion, Baumeister Denkm. d. kl. Alt. s. v.), распяленный Иксіонъ привязанъ змѣями къ спицамъ огненнаго колеса, которое представлено колеблющимся въ воздухѣ (это символизируется двумя крылатыми женскими фигурами, его поддерживающими). Около колеса изображенъ съ одной стороны Гермесъ въ островерхомъ шлемѣ, съ другой Гефестъ съ клещами, а снизу Эринія съ горящимъ факеломъ.

Матеріала для драматической сказки, которая печатается ниже, не могли дать скудные остатки отъ античныхъ трагедій на сюжетъ объ Иксіонѣ. Отъ произведеній Эсхила и Софокла не осталось ничего (можетъ быть, одно слово отъ Софокла), а отъ драмы Еврипида 5⁵/₆ — 9⁵/₆ строкъ. Я даю переводъ этихъ остатковъ по тексту Наука (Frag. gr. fragm. Lipsiae, 1889² pp. 838, 490):

- 1) О сынъ Флегіи, деспотъ Иксіонъ —
- 2) Тотъ мужъ, что былъ рожденъ согражданъ выше
(Неправеденъ и волей, и умомъ).
Теперь друзьямъ и городу — чума.

3) Ты высшее, что смертные свершили
Старайся превзойти, — ни власть царей,
Ни пышный домъ безъ муки не даются.

I) Приобрѣти хвалу за справедливость
И дѣлай все, что прибыльно потомъ.

II) То врагъ, но чту я больше справедливость.

Объ Иксіонѣ Эсхила Диндорфъ предполагаетъ, что въ немъ изображалась лишь первая вина Иксіона, т. е. вѣроломное убійство тестя и трагедія заканчивалась тѣмъ, что Зевсъ очищалъ его (Dind. ad fragm. inc. 329), К. О. Мюллеръ предположилъ у Эсхила цѣлую трилогию Иксіона (Götting. Anzeig. 1827, s. 670; Eumen. s. 138 ff. F. G. Welcker Die gr. Tr. 1839. I, 52).

Еврипидовскій Иксіонъ обрисовывался предположительно Велькеромъ (а. а. о. 1839 I, 749 ff.) и Гартунгомъ (Eur. restit. 1843; II, 370 sqq.).

Согласно ихъ догадкамъ, Еврипидъ выводилъ Иксіона дерзкимъ софистомъ, который въ корнѣ оспаривалъ идеи долга и добродѣтели. Кромѣ того, Гартунгъ сдѣлалъ попытку обрисовать и самый ходъ дѣйствія, потративъ на это, безъ особыхъ результатовъ, и въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, немало рвенія, остроумія и любви къ Еврипиду.

Были черты въ миеѣ Иксіона или его античныхъ обработкахъ, которыми авторъ настоящей трагедіи не воспользовался. Такъ въ одной изъ схолій къ „Финикіянкамъ“ (ad. v. 1185) говорится, будто Зевсъ приказалъ бичевать Иксіона, привязаннаго къ колесу, причемъ самому Иксіону было приказано повторять: „надо почитать благодѣтелей“. Кромѣ того, по одному изъ вариантовъ миеа, отъ облачнаго подобія Геры и Иксіона родились кентавры „надменный родъ, чуждый хари-

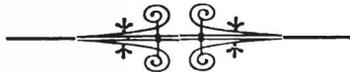
тамъ“, и, вѣроятно, въ прологѣ или исходѣ одной изъ античной трагедіи объ этомъ упоминалось.

Автору драматической сказки пришлось быть отчасти миеургомъ. Напримѣръ, онъ ввелъ въ дѣйствіе лицо, которое едва-ли являлось въ античной трагедіи, Апату, богиню обмана, дочь ночи и сестру Лиссы. Что касается Лиссы, то она являлась и у Эсхила, и въ „Гераклѣ“ Еврипида. Мимоходомъ авторъ внесъ еще вариантъ миеа объ Орестѣ. Раффиниране пытки Иксіона дѣлано въ этой драматической сказкѣ во вкусъ Сенеки (Arosol. p. 361) и Вергилія (Georg. 4, 484), а Эротъ какъ сынъ Ириды и Зефира встрѣчается у лириковъ (Alc Bergk fr. *13 B, 4 Aufl.).

Авторъ старался какъ можно меньше подражать античной трагедіи, — и потому старательно освобождалъ свою пьесу отъ миеологическихъ прикрасъ въ хорахъ. Онъ хотѣлъ какъ можно болѣе слить хоръ съ дѣйствіемъ и антракты съ актами, но все таки ему пришлось коснуться двухъ миеовъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ легендамъ объ Иксіонѣ: во 1-хъ, миеа о Танталѣ, сынѣ Зевса, который былъ наказанъ за то, что, допущенный къ трапезѣ боговъ, не сдержалъ потомъ своего дерзкаго языка (Cf. Eur. Or. 9 sg.); во 2-хъ, такъ называемаго „священнаго брака“: такъ называется бракъ между Кронидомъ и Герой. Мы знаемъ изъ „Иліады“ (□, 294—296, 346 sqq.) объ этомъ бракѣ на Идѣ, гдѣ Гера, при помощи пояса Афродиты, возбуждала въ Зевсѣ горячія желанія, причемъ на ложѣ боговъ выросли гіацинты, шафранъ и лотось, и золотистая туча покрыла Зевса и Геру во время брака. Но въ Иліадѣ мы находимъ лишь сравнительно поздній отзвукъ древняго гимна, который воспѣвалъ первое объятіе дѣтей Кроноса на западныхъ предѣлахъ міра, въ саду Гесперидь.

Авторъ сказки о царѣ Иксіонѣ уже изложилъ въ предисловіи къ своей „Меланиппѣ“ причины, которыя заставили его воспользоваться античными схемами, несмотря на модернизацию въ психологической разработкѣ мѣта. Ему остается указать здѣсь на единство дѣйствія, къ соблюденію котораго онъ всемѣрно стремился. Антрактъ не долженъ, по его мнѣнію, нарушать впечатлѣнія отъ развивающейся передъ зрителемъ драмы: не загромождая дѣйствія и отличаясь отъ него своимъ лиризмомъ, онъ все-же долженъ идти въ тонъ съ ямбической частью пьесы, съ діалогомъ. Съ другой стороны, желая сохранить единство дѣйствія, какъ драматическаго сюжета, авторъ взялъ за начало своей пьесы заключеніе перваго несчастія и перваго дерзанія Иксіона: такимъ образомъ драма избѣгла двоенія и двухъ центровъ, что мы находимъ въ нѣкоторыхъ изъ античныхъ драмъ (напр. Орестъ).

Въ заключеніе не лишнимъ будетъ упомянуть, что мѣта объ Иксіонѣ въ отличіе отъ мѣта Ореста или Промеѣея всецѣло принадлежалъ античному міру. По крайней мѣрѣ, автору настоящей трагедіи не удалось найти въ новыхъ литературахъ обработки мѣта о „сверхъ человѣкѣ“ эллинскаго міра.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА,

въ порядкѣ появленія ихъ на сцену.

Лисса, богиня безумія, дочь Ночи.

Икеіонъ, царь ессалійскій.

Хоръ горныхъ нимфъ, ореадъ.

Корифей, старшая изъ нимфъ.

Сонъ, сынъ Ночи.

Гермесъ, сынъ Майи, посланникъ боговъ.

Ирида, посланница боговъ, жена Зефира и мать Эрота.

Гера, жена и сестра Зевса.

Апата, богиня обмана, сестра Лиссы.

Гефестъ, божественный кузнецъ.

Свита Геры.

Дѣйствіе происходитъ на склонахъ Олимпа.

Театръ представляетъ дикую горную мѣстность. Близокъ разсвѣтъ. На скалистой постели между старыхъ елей спить Иксіонъ, Онъ еще очень молодъ, но выгладитъ почти старикомъ, блѣдный, небритый, больной, оборванный. Сонъ его тревоженъ, со стонами, бредомъ. Около него и близъ потухшаго костра сидитъ Лисса, она — худоцава; зеленоватое лицо ея некрасиво, а длинные черныя жгуты волосъ напоминаютъ змѣй, особенно при нервныхъ и быстрыхъ ея движеніяхъ. Она сидитъ близко къ Иксіону, охвативъ руками колѣни. Изъ подъ лиловаго пеплоса выставлены огромныя, костлявыя, но сильныя ноги. Руки у ней бѣлыя, небольшія и цѣпкія, съ длинными острыми ногтями и изумрудами въ кольцахъ. Сквозь брезжущій разсвѣтъ вдали, еще гораздо выше, среди слабо розовѣющихъ облаковъ, еле вырисовывается силуэтъ Зевсова дворца.

Дѣйствіе первое.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Лисса и спящій **Иксіонъ**.

ЛИССА

(встаетъ, но не сводитъ глазъ съ Иксіона).

Какъ нѣжная подруга до разсвѣта
Покинетъ ложе ласки, и волосъ
Душистая подниметъ въ узелъ волны,
И розы щекъ водою освѣжитъ,
А тихій сонъ еще покоитъ мужа,

Такъ спутника печальнаго мнѣ жаль
Тревожить сонъ безумный... хоть не ласки
Связали насъ, а муки, и моихъ
Онъ жаркихъ рукъ во снѣ искать не будетъ.

Богиня я, увы! безсмертныхъ дочь,
Но я ни въ комъ желаній не будила;
Иную власть божественная Ночь,
Меня рождая въ мукахъ, мнѣ судила.

Нѣтъ, никогда Эроту не зажечь
Безумнѣе страстей... Огню Киприды
Не извести, испепеляя, сердца
Съ такую адскою силой, какъ моихъ
Зеленыхъ глазъ печальному огню
И устъ моихъ холодному дыханью.
И никогда, ни за одной женой,
Носи она хоть поясъ Афродиты,
Ей отданный богами, челоуѣкъ
Съ такой собачьей вѣрностью не бѣгалъ.

(Опять садится около Иксиона).

Сегодня годъ, какъ мой онъ... Но узнать
Кто могъ бы Иксиона? Ключья пѣны
На бородѣ... На впалые виски
Ужъ серебро пробилось. Онъ въ лохмотьяхъ,
Онъ изможденъ... А годъ... вѣдь только годъ,
Какъ мы спознались... Помню, царь такъ молодъ,
Такъ дерзокъ былъ... Надъ сумрачнымъ дворцомъ
Ужъ облако пожара розовѣло,
А за оградой устъ у гордеца
Свѣтилось столько жизни, столько счастья,
И золота на пурпурѣ плаща
Душистаго горѣло.

Первые лучи солнца.

Иксіонъ (*въ бреду*).

Гей... Лови ихъ...

Пересчитай... они сгорятъ... сгорятъ...

Ихъ было двадцать семь,

Ихъ было двадцать семь,

Ихъ было двадцать семь!

Лисса.

Про кобылицъ своихъ огнисто-крылыхъ

Забредилъ царь. Иль и сквозь тяжкій сонъ

Его златыя солнца иглы колютъ?

(Набрасываетъ на Иксіона свой темный платокъ).

Пусть ночь его покоитъ... Спи, дитя!

(Встаетъ и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по сценѣ, осматривая окрестности, которая значительно прояснилась).

Но гдѣ же мы? Безвѣстный и суровый

Утесами насъ обступаетъ край.

Проснулись и шумятъ по скаламъ ели...

Вотъ облако, ужъ розовое, дремлетъ

И улетать еще не хочетъ... Тамъ

Дворецъ вдали на выси недоступной

Чернѣетъ... Золотою нитью солнца

Обведены колонны...

(Прислушивается, издали несутся мелодическіе звуки и свѣжіе голоса).

Ароматъ

Послышался... Откуда онъ?... Я луга

Не вижу здѣсь... Не лиліи... Нѣжнѣй...

Какъ сладкое дыханіе, несется

Незримый хоръ. Богини... Это вы.

Такихъ цвѣтовъ сады людей не знаютъ,

Ни птицы такъ, ни дѣвы не поютъ.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Снизу показываются Ореады. Онѣ въ золотистыхъ и бѣлыхъ туникахъ, и розовыхъ или оранжевыхъ напускахъ, напоминая горы на восходѣ и на закатѣ. У блондинокъ жемчужные гребни на косахъ, у брюнетокъ золотые. У иныхъ кувшины, заткнутые букетами. Цвѣты на поясахъ, цвѣты въ видѣ ожерелей, цвѣты въ рукахъ и на волосахъ. У нѣкоторыхъ арфы.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ ХОРА.

Хоръ.

Строфа I

Когда звѣздъ огневые
Станутъ лики бѣлѣе,
А лучи заревые
Все алѣй и алѣе.
Еле-еле златимы
Мы постели покинемъ,
И къ озерамъ летимъ мы
Серебристымъ и синимъ.

Антистрофа I.

Тамъ со смѣхомъ наяды
Намъ наполнять кувшины,
И въ цвѣтахъ, Ореады,
Мы летимъ на вершины.
Гдѣ въ пурпуровомъ дымѣ
Пробуждаются ели,
И совсѣмъ золотыми
Стали наши постели.

Строфа II.

Молоденькая нимфа въ бѣломъ съ оранжевымъ поясомъ.

Небо нѣжной пеленою
Ужъ синѣтъ надъ нами стало,
Я не знаю, что со мною:
Я больна или устала.
Зной и холодъ спорять въ тѣлѣ,
Какъ тростинка гнутся ноги,
И на сердце налетѣли
Непонятныя тревоги.
Путь такой далекій, трудный,
Силь моихъ, боюсь, не станетъ, —
Зеленѣя, изумрудный
Мохъ меня на ложе манить.

Антистрофа II.

(Въ сопровожденіи мимической сцены).

Хоръ.

Надъ твоимъ зеленымъ ложемъ
Бѣлой сядемъ мы гурьбою,
И цвѣты передъ тобою
Мы гирляндами разложимъ.
Чтобъ темнѣе казались розы
Отъ лилеи бѣлоснѣжной,
И теплѣй отъ туберозы,
Ароматъ левкоя нѣжный.

Большая черноволосая нимфа съ пунцовыми розами и золотымъ
гребнемъ въ волосахъ.

Скоро солнце разгорится
Воздухъ полонъ томной лѣни...

Лягъ, родная, лягъ, сестрица,
Головой мнѣ на колѣни.

Хоръ располагается неподалеку отъ группы странниковъ, хотя еще не замѣчая ея. Бѣлую нимфу окружаютъ. Тихо воркуя, ореады принимаются разбирать цвѣты, плести вѣнки, вязать снопы, убирать кувшины.

КОРИФЕЙ

(вставая).

Тише... о нимфы... о сестры,
Мы не однѣ здѣсь.
Тамъ межъ деревьевъ мелькаетъ
Пеплосъ лиловый... О ужась...

(Лисса выходитъ къ нимфамъ).

Мертвая кожа... И змѣи...
Черныя змѣи... не косы...
Кто ты?.. О кто ты?.. Скажи намъ,
Женщина ты или призракъ,
Здѣсь на землѣ
Блѣдною ночью забытый?

ЛИССА.

Я Ночью рождена... Ты угадала,
Красавица... Но я не призракъ... Нѣтъ.
Не женщина я тоже, потому что
Амвросіей меня поила мать...
Иль на своихъ вершинахъ золотыхъ
О Лиссѣ вы, о нимфѣ, не слыхали?

КОРИФЕЙ.

Не повторяй... Печалень этотъ звукъ
И для ушей божественныхъ ужасенъ.

Лисса.

Ужасенъ онъ, конечно, но увы!
Услугъ моихъ уста такія просятъ,
Которымъ нѣтъ отказа. И тогда
Блаженнымъ я сердцамъ мила бываю.
Я знаю, ты жалѣешь раздавить
И червяка, красавица... Но если-бы
Избранникъ твой съ улыбкой поглядѣлъ
На женщину, то ласковое слово
Для Лиссы-бы ты, нѣжная, нашла.

Корифей.

О будущемъ я не гадаю, дѣва.
Чаръ, можетъ быть, намъ хватить и своихъ.
Но Расскажи мнѣ, правда-ли, что дивный
Кронида сынъ великаго, герой,
Которому не страшень былъ и тартаръ,
Твои оковы тяжкія носилъ? *)

Лисса.

Онъ танцовалъ подъ музыку мою,
И танца вамъ такого не увидѣть.
Дѣтей своихъ безумецъ перебилъ,
Мегарой мнѣ пожертвовалъ, бѣснуясь
(усмѣхаясь).

Сказать, что Лиссы не любилъ никто.

Корифей.

Ты мучила Ореста?.. При дворѣ
Кронидовомъ мы слышали. И сердце
Горить узнать, то правда-ли...

*) Гераклъ.

Лисса.

Орестъ?

О, это былъ еще совсѣмъ ребенокъ.
Онъ нѣженъ былъ, какъ ты, и чтобы мать
Зарѣзать онъ рѣшился, я кровавый
Три ночи надъ его держала ложемъ
Платокъ — во снѣ убійца созрѣвалъ.
Мои потомъ его гоняли сестры
И о землю кидали, и отъ нихъ,
Какъ раненый олень, бѣжалъ онъ долго...
Но у меня и здѣсь товарищъ есть;
Я покажу его, пожалуй, нимфамъ.

(Подходитъ и становится надъ Иксиономъ).

Царь Иксионъ подъ этой черной тканью;—
Онъ былъ богатъ, и молодъ, и могучъ.
Теперь — онъ мой, и въ этомъ словѣ все;
Любуйтесь на мою работу, дѣтки.

(Сдергиваетъ платокъ, въ Иксиона ударяетъ солнечный лучъ).

У нимфъ вырывается крикъ удивленія, смѣшаннаго съ ужасомъ.
Иксионъ вздрагиваетъ и открываетъ глаза. Потомъ привстаетъ,
садится. Волосы его полны иглъ и пыли, лицо испаряно, ноги
избиты. Лохмотья его и вся фигура кажутся еще ужаснѣе отъ
сосѣдства блистательныхъ нимфъ и отъ яркаго солнечнаго свѣта.
Глаза воспаленные, взглядъ мутный, — у него видъ пьянаго.

Иксионъ.

О, дайте пить... О, дайте пить... Горитъ
У Иксиона въ сердцѣ камень черный.

(Увидѣвъ кувшины и нимфъ).

О свѣтлыя богини! Или дѣвы...
Коль есть у васъ отцы и братья, мнѣ
Вы ради нихъ уста водой смочите...

Одна изъ нимфъ робко подходитъ къ Иксиону и даетъ ему
напиться.

Иксіонъ

(напившись).

Будь счастлива, дитя... Боговъ, увы!
На свѣтлое чело твое не смѣю
Я призывать, малютка — я нечисть.

Корифей.

Ты призывать боговъ не смѣешь, странникъ?
Что-жь сдѣлалъ ты? Не бойся ореадъ.

Иксіонъ

(увидѣвъ Лиссу, которая дѣлаетъ пассы).

О, подожди, мучительнымъ круженьемъ
Сводить меня и, какъ на колесѣ,
Вытягивать и бить о землю, пѣной
Кровавою уста мнѣ наполняя...
Помедли... Нѣтъ? Не хочешь? Можетъ быть,
Не можешь ты? Проклятіе! О, сжальтесь!
Молитесь Вы, о нимфы, за меня,
Назвать его не смѣю... тамъ... въ ээирѣ...
Пусть усыпитъ ее... Пусть усыпитъ...

Хоръ

(дѣлится между тремя группами).

А.

Мой моляще призывный
Голосъ нѣжно тебѣ поетъ:
О крылатый! О дивный!
Тихо съ синихъ спустишь высотъ.

Б.

Алымъ макомъ вѣнчанный
Изъ лазурныхъ кошницъ,

Ночи сынъ богоданный,
Ты, какъ мать, блѣднолицъ,
Богъ отраднo-обманный.

В.

Ты безумной рабынѣ царицъ,
Богъ отраднo-обманный,
На чернѣющій завѣсъ рѣсницъ
Опусти золотые туманы.

Общій хоръ

(въ сопровожденіи хороводнаго танца и мимики).

Если-жъ, солнцемъ опьяненный,
Ты мольбамъ моимъ не внимлешь,
И, на облако склоненный,
Самъ на розовое дремлешь.
Вкругъ безумной, сестры, сами,
Какъ зарницы, замелькаемъ,
Всю душистыми цвѣтами
Мы завѣемъ, закидаемъ.
Кто косою золотою
Чуть задѣнетъ дѣву Ночи,
Кто кисейною фатою
Заслѣпитъ безумной очи.
Чтобъ застыли въ косахъ змѣи,
Чтобъ смежились вѣки Лиссы,
Станутъ снѣгомъ ипомеи,
Вихремъ бѣлые нарциссы...
Ты-же, если жаркимъ часомъ
На мольбы покинешь ложе,
Приходи на помощь, боже,
Нашимъ танцамъ, нашимъ пассамъ...
То кругами, то рядами

Мы взовьемся, замелькаемъ,
Всю душистыми цвѣтами,
Всю цвѣтами закидаемъ.

Мимическая сцена и танецъ хоровода нимфъ съ цвѣтами и вуалями вокругъ Лиссы продолжается. Обезсиленная и улыбающаяся, Лисса склоняется на землю. Въ это время легкими скользящими шагами въ хороводъ, разнимая его, входитъ Сонъ. На немъ бѣлый хитонъ и короткая дымчатая перекидка. За плечами большія крылья — одно бѣлое, другое черное; на легкомъ серебряномъ шлемѣ, который надвинуть на лобъ, такія же крылья, только маленькія и въ обратномъ порядкѣ. У бога блѣдное овальномазовое лицо и опущенные глаза съ длинными и темными стрѣльчатыми рѣсницами. Онъ совсѣмъ еще молодой, безбородый. Въ правой рукѣ у него рогъ съ маковыми зернами. Войдя въ толпу безъ торопливости, онъ кропитъ Лиссу зернами; нѣкоторыя изъ нихъ попадаютъ въ одну изъ нимфъ, и она въ дремотѣ склоняется на плечо къ подругѣ. Другія нимфы тихо берутъ ее и укладываютъ на землю, устраивая ей ложе изъ цвѣтовъ и моху. Лисса, сидя, качается, но еще борется со сномъ. Тогда Сонъ со словами „Здравствуй, сестра!“ подходитъ къ Лиссѣ и цѣлуетъ ее въ щеку. Лисса падаетъ, какъ подкошенная и тотчасъ засыпаетъ. Нимфы расходятся розовыя, возбужденныя танцемъ. Однѣ пьютъ, припавъ къ кувшинамъ или поднимая ихъ, другія, закидывая бѣлыя руки за голову; третья обмахиваются кисеей или большими листьями папоротника. Нѣкоторыя поправляютъ волосы. Сонъ, ни на кого не глядя и даже не поднимая головы, легкими какъ бы разсѣянными, волнистыми шагами покидаетъ сцену, проходя черезъ нее.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Корифей, Иксионъ и спящая Лисса.

К о р и ф е й.

Свободенъ ты, и если-бы укрыться
Хотѣлъ ты, гость... вотъ лѣсъ... иди туда...
Несчастіе твое мои сковало

Уста и умъ пытливый, Иксіонъ.
Бѣги, пока не пробудилась Лисса.

Иксіонъ.

Бѣжать? О нѣтъ... богини... На землѣ
Пріюта царь безъ царства не имѣеть.

Корифей.

А гдѣ-же былъ, скиталець, ты царемъ?

Иксіонъ.

Въ Ѡссалии отважные Лапиты
Мнѣ чистили крылатыхъ кобылицъ...
Ихъ двадцать семь взростилъ я золотистыхъ,
Мой городъ былъ прославленный Гиртонъ.

Корифей.

А гдѣ-жъ твоя дружина?.. Или Лиссы
И латники, и конные бѣгутъ?

Иксіонъ.

Они бѣгутъ несчастныхъ, Ореада...

Корифей

(послѣ раздумья).

Ты говоришь несчастныхъ, и боюсь
Недужное я растревожить сердце.
На золотыхъ вершинахъ алтарей
Не ставятъ намъ... И помощи не молятъ
У слабыхъ нимфъ... Но муки состраданье
Живое, царь, встрѣчаютъ и у насъ.
И нѣтъ для сердца нимфы виноватыхъ.

Иксіонъ.

Я не таю несчастій... И терять
Мнѣ нечего подъ солнцемъ, Ореада.
Иль думаешь — съ мольбою въ первый разъ
Издалека къ душистымъ розамъ, дѣва,
Я, припадая, плачу. Сколько ихъ,
И нѣжныхъ губъ, и гордыхъ для отказа
Я разжималъ мольбами.

И цари,

И женщины, и дѣти, и герои
Вчерашніе рабы и боги мнѣ...
Кто не сказалъ еще... „Оставь насъ, грѣшникъ!“
И отъ стыда поднять не смѣя глазъ,
Я къ Лиссѣ шелъ печальный, только Лисса,
Какъ черная могила, никого
Отъ очага холоднаго не гонить.
И дальше шли мы съ ней изъ дома въ домъ,
А попятамъ за нами голодъ блѣдный,
Какъ брошенный ребенокъ, шелъ и плакалъ.
О сколько мы безрадостныхъ ночей
Подъ ливнями холодными не спали.
Впадала все-жъ и Лисса въ забытье
Тяжелое... его ты видишь, нимфа,—
Но сладкій сонъ меня не обнималъ
До утренней зари... И мракъ печальныхъ
Мнѣ высылалъ дѣтей... тогда... Они
У моего садились изголовья
Безмолвныя... иль руки надъ кострами
Озябшія, согрѣвши, исчезали.
И я двоихъ запомнилъ и потомъ
Ихъ узнавалъ. Въ серебряныхъ сѣдинахъ
Я старика запомнилъ: тѣломъ былъ,
Какъ уголь, онъ. Но съ нимъ являлась дѣва

Бѣлѣ васъ, о нимфы, съ золотой
Тяжелю волнистою косою...

НИМФА

*(которая слушала молча и лежа на груди, опираясь на
локти, не сводила глазъ съ разказчика).*

Съ волнистою и золотой, какъ я...

ДРУГІЯ НИМФЫ.

Тс... с...

ИКСІОНЪ.

И иногда часами у костра,
Беззвучною обмѣниваясь рѣчью,
Тѣ призраки играли въ кости — страхъ
Охватывалъ мнѣ сердце — то не кости,
То уголья горячіе въ ихъ пальцахъ
Краснѣли и дымились... и старикъ
Дрожащей ихъ хваталъ рукой, а дѣва
Мнѣ плача простирала руки... Вѣрно,
Обманывалъ старикъ ее, и видѣлъ
На пальцахъ я у ней обжоговъ слѣдъ,
И ей хотѣлъ помочь я... И метался.
Она-жъ, ломая руки, исчезала.

КОРИФЕЙ.

Безумный сонъ больного, страшный сонъ!

ИКСІОНЪ

(послѣ паузы).

О, если-бы все это только сномъ,
Однимъ обманомъ было, Ореада...

(Проводитъ рукой по лицу).

Но слушай... Я женатъ былъ... день одинъ
Я былъ женатъ на златокосой Дивѣ.
Безъ выкупа мнѣ царь Деіоней
Повѣрилъ дочь.

Онъ только двадцать семь
Моихъ кобылъ въ залогъ огнисто-крылыхъ...
Оставилъ у себя... Царь алченъ былъ
И глухъ, и старъ. На золото одно
Потухшія зѣницы разгорались.
Дрожавшая не рукоять меча
Рука сжимать любила, только деньги.
Двухъ разъ зайти надъ Дивою моею
Въ Гиртонѣ не успѣло солнце, — видимъ
Со свитой тестъ явился. Въ сѣдинахъ
Душистыхъ и одеждою пурпурной
Согбенная покрывшій рамена.
О, онъ не дочь горѣлъ тогда увидѣтъ,
А сундуки Гиртонскіе открыть
И выкупъ взять безсчетный.

(Помолчавъ).

Выкупъ точно
Онъ получилъ и съ лихвою...

(Ниже тономъ).

Царю

Велѣлъ я яму вырыть за порогомъ
Глубокую, и тлѣющихъ углей
Туда рабы костеръ ввалили цѣлый,
Золою ихъ засыпавъ и ковромъ
Душистымъ ихъ застлавъ изъ вѣтокъ ели.
Почету радъ, на вѣтви царь ступилъ,
Но пламенемъ охваченный, и дымомъ,
Онъ въ мигъ исчезъ.

Такъ исчезаетъ волкъ,
Что овцами полакомиться думалъ
И въ западню попалъ.

ХОРЪ.

О ужась! ужась!

ИКСІОНЪ.

Гиртонскаго съ тѣхъ поръ чертога я
Ужъ не видалъ. Какой-то силой дивной
Меня метнуло прочь. Пожарный вой
Да крики я одни въ догонку слышалъ...
Вотъ съ этихъ поръ за Лиссой и хожу,
Какъ мальчикъ безоружный... Страшно ярокъ
Былъ бредъ ночей, но дни мои туманны,
И, какъ во снѣ, я кланялся и плакалъ.
Гдѣ-жъ царство? Гдѣ жена? Кто кобылицъ
Мнѣ возвратитъ моихъ огнисто-крылыхъ?
Кто путь домой укажетъ..., И искать
Гдѣ буду домъ... отверженный богами?

(Пауза).

Есть, говорятъ, у Лиссы подъ землей
Имѣнія и храмы. Иксіону-жъ
Должно быть нѣтъ угла и тамъ.

(Къ нимфамъ).

У васъ

Я вижу, Ореады, ужась въ вашихъ
Расширенныхъ зрачкахъ... Не знаю только,
Мои-ль то отъ недуга вѣки влажны,
Или слеза и изъ небесныхъ глазъ,
Хотя одна надъ мукой Иксіона
Должна упасть. Мнѣ болѣе сказать
Вамъ нечего, о дивныя... Простите...

(Хочетъ уходить).

Корифей

(жестомъ останавливая его).

Не мнѣ судить тебя, печальный гость.
Ты сердце мнѣ наполнилъ страннымъ чувствомъ,
Но ужаса тамъ меньше, чѣмъ любви
И жалости. И о тебѣ Кронида
Хотѣла-бы молить я.

(Указывая на облачный чертогъ Зевса).

Видишь тамъ
Дворецъ его... Иди къ отцу безсмертныхъ
И смертныхъ, царь... Нѣтъ зависти въ душѣ
Великой и прекрасной. И боязни
Передъ судомъ дѣтей не знаетъ Зевсъ.

Иксионъ.

Нѣтъ, нимфа, нѣтъ! Моленья бесполезны.
Тумана нѣтъ на сердцѣ, — и въ глазахъ
Ужъ не родятся слезы... Я ребенкомъ
Заснулъ... Гляди — старикъ передъ тобой
Да и о чемъ молиться? Развѣ дома
Сокровища сгорѣвшія, иль имя
Покрытое позоромъ, можетъ Зевсъ
Въ ихъ красотѣ загубленной возставить?
Изъ пламени жену вернуть, иль мнѣ
Другое сердце дать...

Мнѣ выходъ нужень,
Но чтобы онъ достоинъ мужа былъ
И эллина. Повѣситься на ели,
Или жгутомъ перетянуть себѣ
Изъ этой рвани горло могъ-бы варваръ:
Мнѣ нужень мечъ, о дѣва, царскій мечъ...

КОРИФЕЙ.

Ты не найдешь меча здѣсь, Эссалиецъ
Предъ нимфами мечи изъ вашихъ рукъ,
Истомою объятыхъ, выпадаютъ

(указывая на Лиссу).

И Лисса спитъ въ цвѣтахъ у Ореадъ.
Но погоди. Мнѣ кажется, что вижу
Я вѣстника крылатаго боговъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Съ вершины быстро спускается Гермесъ. Онъ въ характерномъ фетровомъ шлемѣ, изъ подъ котораго выбиваются волнистые волосы. На сандаляхъ, какъ шпоры поблескиваютъ крылышки. Въ рукахъ у него стикъ съ головой змѣи. Въ лицѣ, нѣсколько утомленномъ, характерны профиль и складка губъ, обличающая скептика.

Хоръ, Гермесъ, Иксионъ и спящая Лисса.

КОРИФЕЙ.

Будь счастливъ, богъ, сынъ Майи легкокрылой.

ГЕРМЕСЪ.

Вы радуйтесь, богини, легче птицъ
Какъ облака, вы, нимфы. Если дѣвوى
И нѣжною, и томною кто изъ васъ

(смотритъ на уснувшую нимфу).

Не вздумаетъ, играя, притвориться.
Но въ этотъ край, холодный, грустный край
Что-жъ привело моихъ сестеръ воздушныхъ?

ПЕРВАЯ НИМФА.

Что привело? Желаніе съ тобой
Увидѣться, конечно.

ВТОРАЯ НИМФА.

Къ солнцу ближе,
Гдѣ-жъ и искать посла боговъ, Гермесь?

Въ это время Лисса привстала и прислушивается, но Гермесь
дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ ни ее, ни Иксіона.

ГЕРМЕСЪ.

Бьюсь объ закладъ, что вы кого-нибудь
Спасали здѣсь. Нѣтъ тучки въ небесахъ
Такой воздушно-розовой, чтобъ дождикъ
Не могъ пойти изъ ней, и нимфы нѣтъ,
Чтобъ каждый день немножко не всплакнула.
Но не хочу сердить васъ, дѣвы, нѣтъ!
И передъ вами сцены удивленья
Разыгрывать не буду. Я не самъ
Сюда спѣшилъ, конечно. Я отъ Зевса.

(Быстро оборачиваясь).

Смѣлѣе, царь безъ царства, Иксіонъ,
Ты-жъ, Лисса, дочь божественная Ночи
Намъ не нужна пока. Вернись домой.

Знаки радостнаго удивленія въ хорѣ.

ЛИССА

*(вставая и сдержанно, хотя не безъ ироніи, обращаясь къ
Гермесу).*

Сынъ Майи рѣчь со мною начинается
Съ прощальнаго привѣтствія. Иль тамъ

(указываетъ на верхъ).

Все на верху такъ мирно? Иль жертва
Готовится мнѣ новая?

Открой
Крылатый богъ...

И жребій Иксіона
Хотѣла-бы узнать я. Цѣлый годъ
Мы прожили, и мой туманъ тяжелый
Былъ сладостнѣй измученной души,
Чѣмъ яркіе лучи сознанья будутъ.
Что станетъ съ нимъ, Гермесь? И гдѣ пріютъ,
Гдѣ силы онъ найдетъ для жизни новой?
Я думала отдать его другимъ
Богамъ, надежнѣй васъ, небесныхъ, Гермій.

(Гермесь указываетъ на дворець Зевса. Пауза).

Молчишь ты, богъ? рукою въ облакахъ
Кронидовъ домъ указывая Лиссѣ.
О, словъ не надо ей, тебя пойметъ
Она и такъ.

(Къ хору).

Простите, нимфы — ваши
Я унесу цвѣты въ мой тихій домъ.
У очага холоднаго напомнятъ
Они мнѣ нашу встрѣчу, ваши хоры,
Напомнятъ и того, кому „прости“
Сказать теперь должна я

(Къ Иксіону).

Ты-жъ, тоскуя,
Меня не разъ помянешь, Иксіонъ.

(Уходитъ, унося съ собой нѣсколько цвѣтковъ, которые
она прикладываетъ къ лицу).

Нѣсколько мгновений длится общее смущенное молчаніе.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

ТЪ-ЖЕ безъ **Лиссы**.

ГЕРМЕСЪ

(проводяя Лиссу глазами, къ Иксиону).

Печальную ты проводилъ подругу,
Царь Иксионъ, безсмертные тебѣ
Готовили иное ложе, впрочемъ.
Но ободришь. Верховный богъ небесъ,
Отецъ людей, мой свѣтлый повелитель
Тебя спасти рѣшилъ, и мы сейчасъ
Къ нему идемъ.

ХОРЪ.

Побѣда! Радость! Радость!

ИКСИОНЪ

(начинаетъ тихо).

Къ безумію и слабости зачѣмъ
Меня зовешь, крылатый?
Иль, какъ Лисса,
Изъ дома въ домъ меня ты поведешь?
Иль, можетъ быть, ошибка тутъ? Иль сердце
Ты среди нимфъ надъ нищимъ тѣшишь, Гермій?
Мнѣ нуженъ мечъ, мнѣ нуженъ только мечъ...

ГЕРМЕСЪ.

Одинъ-ли мечъ? Разсудокъ Иксиону
Не помѣшалъ-бы также... Но Кронидъ
На этотъ счетъ мнѣ не далъ указаній...
Ты размѣшилъ меня. Я не сержусь.

Иксіонъ.

О Майи сынъ! Съ тобою острой рѣчью
Бороться мнѣ не въ мочь. Но умъ мой цѣль.
Ты выслушай меня, посланникъ Зевса.
Не мало благъ мнѣ жребій дароваль,
Но ты вѣдь знаешь все, мнѣ-жъ память, Гермій
И такъ тяжка.

Я дерзко погубилъ
Все, что вы мнѣ небесные вручили,
Самъ погубилъ. Ты слышишь? Ни при чемъ
Ни фуриі, ни Лисса въ этомъ страшномъ
Дѣяніи. Вы, боги, какъ одинъ,
Передо мной захлопывали двери,
Когда меня, какъ слабое дитя,
Къ вамъ Лисса приводила, и молилъ,
И плакалъ я у алтарей душистыхъ.
Годъ... цѣлый годъ мой длился сонъ. Но вотъ
Безволья цѣпь порвалась. Я хочу
Себя убить. Ужель своею жизнью,
Остаткомъ этимъ жалкимъ отъ игрушекъ
Ребяческихъ, которыми Кронидъ
Мнѣ колыбель наполнилъ, я не смѣю
Располагать? Но для чего-жъ тогда
Вы волю въ грудь мою вложили, боги?
Иль вѣтру я, или волнъ морской
Завидовать, избранникъ неба, долженъ.

Гермесъ

(помолчагъ).

Нѣтъ, Иксіонъ, ни вѣтру, ни волнамъ
Завидовать не долженъ ты. Я знаю:
Ты завистью иной томишься, царь,
И ужъ давно. Но что-же дѣлать? Богомъ

Не быть царю Эссалии, избежь
Хоть всю родню коварством онъ. Онъ будетъ
Преступникомъ, и только. Есть одна,
Царь Иксионъ, свобода... Тамъ, въ эфирѣ,
На небесахъ она, и ею насъ
Изъ золотыхъ поить богиня кубковъ.

ИКСИОНЪ.

Увы! Гермесь. Зачѣмъ-же къ очагу
Меня ведешь ты Зевсову, коль богомъ
Не стану я среди его гостей?
Дай умереть... дерзаниемъ насытивъ
Тѣнь божества въ груди моей. Равны
Всѣ гости тамъ, въ туманномъ царствѣ мертвыхъ.

ГЕРМЕСЪ.

Я не могу сказать тебѣ, зачѣмъ
Тебя веду къ Крониду, Эссалиецъ.
Но гордеца такого и драконъ
Не зародитъ, насытивъ землю ядомъ,
Чтобъ отъ порога Зевсова бѣжалъ.
Одумайся, Лапить, и повинуйся.

КОРИФЕЙ.

Онъ исцѣлитъ тоску твою, герой:
Онъ можетъ быть, вернетъ тебѣ и Диву —
Никто еще божественныхъ путей
Кронидовыхъ постичь не могъ гаданьемъ.

ГЕРМЕСЪ.

Да, наконецъ, при Зевсовомъ дворѣ,
Тамъ въ глубинѣ чертога ты найдешь
И демона *) того въ одеждахъ черныхъ,

*) Θάνατος — демонъ смерти.

Которому ты столько гордыхъ словъ
И мыслей, царь, здѣсь посвятилъ сегодня.
Силачъ, съ его таинственнымъ мечомъ
Средь Зевсова чертога, безопасень,
Усердень онъ, и, черный сдѣвъ доспѣхъ,
Нерѣдко онъ гостямъ готовить ванны.
Идешь-ли ты, однако, иль вернусь
Одинъ, а ты здѣсь подождешь перуна?

Иксіонъ.

Иду, Гермесь. Но только не съ мольбой
Къ отцу боговъ, и безъ надежды тайной
Понравится державному, чтобъ лестъ
Ему продать дороже.

Съ богомъ чернымъ
Охотнѣй бы сошелся я въ лѣсу,
Гдѣ-бъ говорить могли мы, алыхъ усть
И жемчуга зубовъ твоихъ не видя...
Не Лисса ты и не безумецъ я,
Недугомъ обезволенный. И Зевсу
Понравлюсь-ли, не знаю. Да и самъ
Хорошее-ль, слуга, ты дѣло сладиль
Для строгаго хозяина, смотри.

Гермесъ.

Идемъ, идемъ. Да, вижу: не безумецъ,
Ты хуже чѣмъ безумецъ, Иксіонъ.
Ты съ божества, но неудачный слѣпокъ.
Я не смѣюсь... Ты для меня больной.

(Уходятъ).

ПЕРВЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ АНТРАКТЪ.

ХОРЪ.

Строфа I.

Гдѣ сіяніемъ Феба
Безъ огня налиты,
Голубѣе, чѣмъ небо,
Зацвѣтаютъ цвѣты.

Гдѣ межъ листьевъ пушистыхъ,
Въ свѣжей гущѣ садовъ,
Много зрѣетъ душистыхъ,
Небывалыхъ плодовъ, —

Антистрофа I.

Тамъ гурьбою веселой
Облетая сады,
Золотистыя пчелы
Собираютъ меды,

Чище раннего неба
И заката желтѣй, —
И Кронидовыхъ Геба
Ими поить гостей.

Строфа II.

Если краевъ золотыхъ
Бога уста коснутся, —
Въ сердцѣ мечты проснутся,
Полны огней святыхъ.

Мощная сила дланей
Въ этой влагѣ златой,
Жаръ высокихъ желаній,
Сердца гордый покой.

Антистрофа II.

Если къ чашѣ прильнуть
Губы рожденныхъ въ прахѣ,
Муки, сомнѣнья, страхи
Въ сердца людскомъ уснуть...

Сынъ Кронида блаженный,
Танталъ ту чашу пилъ,
Тяжко потомъ надменный
Сладость ея искупилъ.

Дѣйствіе второе.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Съ горь въ видѣ клубящагося облака спускается Ирида. Она нѣжная и тонкая блондинка, вся въ пышныхъ волнахъ шелковистой ткани, которая переливается цвѣтами радуги; въ рукахъ у нея въ видѣ жезла золотой лотосъ. На головѣ бѣлыя лиліи. Изъ подъ длинной одежды видны золотыя туфли съ крылышками.

Хоръ и Ирида.

ЛИРИЧЕСКАЯ СЦЕНА.

I.

Хоръ.

Сквозь туманъ, какъ видѣніе сна,
Отливая живыми цвѣтами,
Будто радуга, сестры надъ нами.

Корифей.

Здравствуй Ирисъ, Зефира жена!
Но богиня сегодня блѣдна,
Яркой ризы увита клубами.

Ирида.

Ваши ландыша щеки свѣжѣй,
Безмятежны дѣвичьи отрады:

Рады стрѣламъ вы жаркихъ лучей,
Рады волнамъ вечерней прохлады,
Одного у отца, Ореады,
Не просите — красавцевъ мужей.

(Тихо).

Когда тѣни сгустятся чернѣй,
А луна не освѣтитъ ээира,
Подарите улыбкой сатира, —
Но не надо вѣнчальныхъ огней.

Корифей.

Развѣ ты ужъ не любишь Зефира?

Ирида.

Все сильнѣе, увы! и сильнѣй
Я люблю дуновенье лилей,
И вѣнчаннаго ими кумира,
Но красавецъ отъ вѣчнаго пира
Средь золотыхъ сицилійскихъ полей
Сталъ Борея со мной холоднѣй.
И на ложѣ не знаю я мира.
Стали ночи чернѣй и длиннѣй,
Стало въ радугѣ меньше огней
Съ той поры, какъ люблю я Зефира.

II.

Хоръ.

Ты не найдешь Зефира между нами
Спроси о немъ вечернюю звѣзду.
Мы не его увѣнчаны цвѣтами
И не въ твоёмъ срывали ихъ саду.

Ирида.

Я не за нимъ, за Герой я иду, —
Она гостить въ своёмъ Самосскомъ храмѣ.

Корифей.

О, какъ тяжель, богиня, твой удѣль,
Какъ вѣчная томительна забота...

Ирида.

Когда своихъ намъ не уладить дѣль,
Чужія намъ улаживать охота...
Кронидъ слегка задѣтъ стрѣлой Эрота,
И сценъ-бы онъ семейныхъ не хотѣль.

Корифей.

Царица чарь! Тебѣ дивиться надо:
Иль нѣгой словъ, или обманомъ сна
Боговъ мирить умѣешь ты одна...
Но кто-жъ очей Кронидовыхъ услада?

Ирида.

Вы чарамъ нимфѣ дивиться-бы должны,
А не моимъ... Узнать была я рада,
Что во дворцѣ, украдкой отъ жены,
Одна изъ васъ... Дориппа — ореада.

Смѣхъ.

Корифей.

Мы польщены, мы очень польщены.

Ирида.

Но удалить Дориппу все-же надо...

КОРИФЕЙ.

Постой, жена Зефира! при дворѣ
Верховнаго ты видѣла, конечно,
Сегодня Иксиона... Къ очагу
Кронидову онъ вѣстникомъ крылатымъ
Былъ отведенъ. Душа узнать горитъ,
Чтоъ случилось съ нимъ... Онъ сердце мнѣ растрогалъ.

ИРИДА.

Про гордаго царя ты говоришь,
Чтоъ кровью былъ покрытъ и всѣми проклятъ?
Надменнаго узнала я, когда
Переступалъ порогъ онъ... Всѣ невольню
На темное пятно мы обернулись.
Державный царь, и тотъ со ступеней
Своихъ спустился, чтобы видѣть гостя.
Но гордо шелъ оборванный Лапить.
Чела онъ не склонилъ и даже вѣтви
Онъ не держалъ молящихъ.

Къ очагу

Кронидову прошелъ онъ за Гермесомъ,
Не кланяясь и не разжавши губъ.
Молчаніе сковало насъ, — мы ждали,
Что станеть онъ молить и плакать, нѣмъ
И прямъ стоялъ предъ ними Олимпіецъ.
Такъ нѣсколько мгновеній пронеслось,
И на чело Кронида будто тучка,
Мы видимъ, набѣжала, но грозы
Въ ней не было; державный улыбнулся...
Какъ изъ-за тучи солнце иногда
Проглянетъ, и нахмуренныя сосны
И гордыя, осыпаны, глядишь,
Златистыми лучами скалы, — лица

Улыбкою и наши засвѣтились
Кронидовой.

И такъ сказалъ отецъ
Безсмертныхъ и людей:

„Дитя, тебя я
Призвалъ сюда, чтобы простить“ — и губъ
Тутъ дрогнула у Иксіона складка,
„Я не хочу“, такъ продолжалъ Кронидъ,
„Признаній и моленій — за порогомъ
„Пускай злодѣй и грѣшникъ остается,
„Отверженный богами и людьми,
„Живи у насъ моимъ веселымъ гостемъ“.
И шумъ слова вѣнчалъ его, но былъ
То свѣтлый шумъ. Кронидъ на тронъ высокій
Вернулся свой, — у царскихъ ногъ его
Съ златой косою и бѣлыми плечами,
Сверкавшими изъ подъ небриды, нимфа
Влюбленная усѣлась, и играть
Ея косою рука Кронида стала.
А Иксіонъ изъ нѣжныхъ рукъ Харитъ,
Какъ изъ руки художника, картина,
Плѣняя глазъ, выходитъ, обновленъ
И свѣжъ межъ насъ явился и прекрасенъ.
Съ его ланитъ недуга и страстей
Тяжелое упало иго. Пурпуръ
Сіяющій плечо ему покрылъ,
Заколотый аграфомъ многоцѣннымъ,
И волосы на головѣ царя,
Какъ завитки клубились гіацинта.
Тутъ съ чашами, какъ повелѣлъ Кронидъ,
Изъ тѣни двѣ богини вышли. Геба
Была въ туникѣ розовой, какъ утро,
И съ золотою чашей. А за ней
Печальная и въ пепельныхъ одеждахъ

Потупившись стояла муза Лета,
И кубокъ былъ серебряный въ рукахъ
Обвить змѣей у дѣвы среброглавой.
Отъ дочери Эриды мы гурьбой
Отхлынули пугливо: видъ ея
Хранилъ глубинъ подземныхъ отраженье.
И Зевсъ сказалъ Лапиту:

„Самъ рѣшай,

„Которую ты чашу выпьешь. Геба
„Амвросіей языкъ твой усладить,
„И смерти не познаешь, а у дѣвы,
„Которая печально вѣжды клонить,
„Забвенія холодную струю
„Ты обрѣтешь въ ея нездѣшнемъ кубкѣ“.

И первую неслышно, точно тѣнь
Ступая, дочь Эриды къ Иксиону
Приблизилась и стала, и въ царя
Она, подъявъ рѣсницы, взоръ глубокій
И черный, какъ земля, вперяетъ молча.
И безъ улыбки къ розовымъ губамъ
Ему печальный кубокъ предвигаетъ.
Минутное сомнѣнье по лицу
Его скользнуло, вижу, но рукой
Рѣшительной онъ отклоняетъ чашу...
И тихій стонъ послышался... Ээиръ
Объемлетъ дочь Аида... Ризы сѣрой
Расходится унылое пятно,
И кубокъ, и змѣя, и все исчезло.
Тутъ весело воскликнули кругомъ
И боги, и богини. И неспѣшно,
Побѣдою заранѣе гордясь,
Свой подаетъ красавцу кубокъ Геба...
И свѣтлый хоръ младыхъ твоихъ подругъ
Блаженное воспѣли рожденье бога.

Не видѣла я пира, и тебѣ
Я не могу сказать, что дальше было,
Но думаю что розовый вѣнокъ
Возлегшему съ богами Иксіону
Надѣлъ Эротъ... Тотъ маленькій... его
Ты видѣла и крошкой любовалась...
Съ утра ко мнѣ сегодня онъ присталъ,
Чтобы ему свила изъ розъ пурпурныхъ
Пышнѣе я вѣнокъ. Я нарвала
У Геры розъ, въ саду ея — душистѣй
Не знаю я и ярче, и Эротъ
Въ восторгѣ былъ, конечно... Любятъ дѣти
И у боговъ за трапезой бокалъ
Допить порой тайкомъ отъ няни, нимфа,
Но не таковъ мой маленькій Эротъ:
Онъ, какъ орленокъ, когти потихоньку
И крылышки попробовать не прочь,
А иногда и укусить, цѣлуя...
Но солнце ужъ клониться начинаетъ,
И мнѣ пора... На перепутьи вашъ
Мы навѣстимъ веселый таборъ съ Герой.

Корифей.

Не забывай; Ирида, Ореадъ
(Ирида уходитъ).

Корифей.

Сюда идетъ блаженный Тессалиецъ...
Что будетъ здѣсь онъ дѣлать? Поскорѣй...
Мы спрячемся... Хотите, Ореады?

Наскоро поднимаютъ уснувшихъ и легко взбираются на заросшую
лѣсомъ скалу, такъ что Иксіонъ ихъ не видитъ, но онѣ его
видятъ и слышатъ. Входитъ Иксіонъ, молодой, нарядный, свѣжій,
въ розовомъ вѣнкѣ.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Иксіонъ одинъ, **Жоръ** (притаившись).

Иксіонъ.

И шумъ и блескъ чертога точно сонъ
Горячешный мнѣ утомили сердце...
Такъ вотъ онъ тотъ Олимпъ, который нашъ
Ласкалъ однимъ названьемъ въ старыхъ сказкахъ
Ребятчій слухъ. „Тамъ съ бѣлою волной
Лазурная въ эфирѣ не сольется“
Мнѣ няня говорила... Но волны
Я не искалъ лазурной надъ собою...
И въ золотыхъ и въ темно-синихъ тамъ
Глазахъ огни я видѣлъ, и желанья
Въ нихъ зажигалъ я даже, можетъ быть...
Но мало-ль и у насъ фригійскихъ плѣнницъ
Кокетливыхъ, душистыхъ, молодыхъ?..
Какъ дышится легко здѣсь... И прохладой
Какой ущелье вѣетъ... До зари
Останусь здѣсь средь этихъ темныхъ елей
Одинъ... совсѣмъ одинъ... Мы съ Лиссой тутъ,
Я помню, ночевали. Пусть-же богу
Онѣ шумятъ теперь...

Иль точно богъ,

Амвросіи вкусившій я? Но гдѣ-жъ
Дерзаніе? Гдѣ знойный жаръ желаній...
Гдѣ силъ покой божественный... Клеймо
На мнѣ горитъ убійцы, и Кронида
Его съ души измученной не смыть
Елеемъ устъ его осеребренныхъ.

Корифей.

О, грѣшныя, о, страшныя слова!

Иксіонъ.

Какъ чувствуешь себя ты, Иксіонъ,
Скажи въ твоихъ нетлѣнныхъ ризахъ? Юность
Съ тобой опять. Ты можешь съ алыхъ губъ
Душистыя срывать лобзанья... Впрочемъ,
Коль угодить съумѣешь господамъ,
Ты прихотью Державнаго себѣ
Добудешь вновь, пожалуй, царство...

Нищимъ

Тамъ видѣли рабы тебя... Иди-жъ
Ѳессалии показывать свой пурпуръ,
Какъ паразитъ счастливый.

(Пауза).

Сколько разъ

Я тосковалъ еще ребенкомъ — пути
Сорвать мое горѣло сердце... Вотъ
Разорваны лежатъ онѣ... И что-же?
Рѣшусь-ли я душистое кольцо
Боговъ порвать? Иль въ сонмѣ ихъ на вѣкъ
Игрушечнымъ божкомъ останусь мирно?
Когда мнѣ кубокъ свой тамъ, во дворцѣ,
Печальная протягивала дѣва,
Я оттолкнулъ ее. Я не хотѣлъ
Забвенья ихъ, души ихъ бѣлой... сердцу
Чего-то жалко стало... А чего?
Безумія? Позора? Мукъ голодныхъ?
Нѣтъ, я жалѣлъ мечты, я ароматъ
Въ тотъ мигъ вдыхалъ дерзаній безнадежныхъ.

Корифей.

Онъ боленъ?.. Счастьемъ онъ, быть можетъ, опьяненъ?

Иксіонъ.

Ужъ не царька ничтожнаго въ мечтахъ
Толкаль въ огонь я, не законъ, богами
Придуманный, чтобъ челоуѣкъ дрожаль
Предъ волей ихъ, — я рушилъ дерзновенно...
Нѣтъ, сонъ души... былъ ярче: гнѣвно брови
Косматыя подъ царственнымъ челомъ
Задвигались у бога... передъ дерзкимъ...
Мечты... мечты!.. Да есть-ли паразитъ,
Чтобъ не мечталъ съ надрывомъ сладострастнымъ
Хозяину за ласки заплатить,
Сѣдыхъ кудрей его терзая пряди,
Иль на его покорную страстямъ
И нѣжную подругу зарясь жадно,

.
Или тотъ богъ крылатый угадалъ,
И съ божества я точно слѣпокъ блѣдный?

.
Но что со мной? Какъ будто кто изъ рукъ
Мнѣ вынулъ мечъ и далъ держать ребенка...
И нѣгою, и трепетомъ мечта
Объята Иксіона... Воля гаснетъ...

(Вынимаетъ изъ вѣтви розу и подноситъ ее къ лицу).

Какъ эти розы сильно пахнутъ... Мнѣ
Онѣ щекочуть шею. Точно шепчуть
Ихъ лепестки невнятные слова
Мнѣ на ухо. Вашъ розовый языкъ,
Цвѣты, мнѣ не понятенъ. Я не богомъ
На свѣтѣ рожденъ...

(Снимаетъ вѣнокъ).

Тотъ мальчикъ, что вѣнчалъ
Меня, заколдовалъ васъ, вѣрно, розы.

.

И грезятся мнѣ черныя, какъ ночь
Двѣ душныя волны, какъ будто запахъ
Божественныхъ волосъ и силуэтъ
Прически вы запечатлѣли, розы.
На бѣлое чело, онѣ упали
Такъ тяжело тѣ волны, но чела
Надъ синими и влажными глазами
Коснуться не посмѣли... и легли
На двѣ другихъ прозрачно-нѣжныхъ розы...

Не надо... Нѣтъ... не надо. Я цѣпей
Носилъ уже довольно... Этой страсти
Я не хочу, Эротъ.

Рисуешь ты

Мнѣ всю ее... Подъ солнцемъ величавнѣй,
Подъ солнцемъ нѣтъ прекраснѣй и луна
Такой косы еще не цѣловала.

Во время послѣдней части монолога нимфы одна за другой собираются вокругъ Иксиона.

Н и м ф а.

Но Дива съ золотой была косой?

И к с и о н ъ

(увидѣвъ нимфъ).

О нѣжныя богини! Исцѣлите
Мнѣ сердце... Вамъ Эротъ не надѣвалъ
Еще вѣнковъ на пирѣ... Кто-же скованъ
Съ моей душой, скажите...

Я ее

Какъ будто вижу, нимфы... Влажно-синій
Мерцаетъ взоръ сквозь занавѣсъ рѣсницъ
Уста ея такъ алы и такъ горды,
А мраморъ шеи такъ и тепло и бѣлъ,

И грудь ея высокая не страсти
Таить, а то, что выше всѣхъ страстей,
Спокойное сознанье силъ... Предъ дивной
Я не могу дерзать... но не молить
Я тоже не могу, младая нимфы.

Корифей.

Тебѣ назвать ее не смѣю, царь,
Но воздухъ полнъ ея очарованьемъ.
Она должна быть близко...

Какъ росой

Окроплены сильнѣй благоухаютъ
У насъ цвѣты... Привѣтнѣй елей шумъ,
И самые лучи какъ будто ярче
На небесахъ горять... Ты слышишь, гость,
Ея коней копыта... Чу... колесъ
Жужжаніе... Смотри... Ея рабыни
Самосскія... О нимфы! въ хороводъ
Скорѣй, скорѣй совьемся. Слава дивной.

На сцену выѣзжаетъ блестящій кортежъ Геры. Сама богиня на бѣлыхъ лошадяхъ; колесница ея украшена серебряными лиліями и золотыми гранатами (ея эмблемы). Съ ней Ирида, а править смуглая рабыня въ желтомъ, Гера вся въ бѣломъ. На головѣ у ней стефана изъ лилій и розъ. Лицо напоминаетъ помпейскую фреску.

ВТОРОЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ АНТРАКТЪ.

Строфа.

Хвала, царица міра,
Отрада женъ и дѣвъ!
Средь нѣжнаго ээира
Ты вся и блескъ, и гнѣвъ.
Твоею славой полны
И Аргось и Самось,
И ароматны волны
Твоихъ тяжелыхъ косъ.

Ты въ сумракѣ пурпурномъ
Незримо возросла,
Но небесамъ лазурнымъ
Душой вѣрна была.

Антистрофа.

И я мольбы призывной
Твоей не утаю,
Таинственный и дивный
Я бракъ твой воспѣю.
На голой выси Иды
Зацвѣтшій мигомъ садъ,
И пояса Киприды
Всевластный ароматъ...

На ложѣ свѣжей гущей
И лотось и шафранъ,
И золотистой кущей
Покрывшій васъ туманъ.

Дѣйствіе третье.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Хоръ, Гера, Ирида и Иксионъ.

КОРИФЕЙ.

О радуйся, блаженная межъ женъ
Съ тѣхъ поръ какъ ты, таясь отъ Океана *)
И отъ Теиды *) нѣжной въ первый разъ
Наединѣ съ Кронидомъ увидалась,
И на коврѣ изъ гіацинтовъ васъ
Покрыла золотымъ туманомъ туча,
Ты никогда такъ дивно хороша,
Такъ не была неотразима, Гера.

ГЕРА.

Плѣнительнѣй отыщутся межъ васъ...
Иль красоты одной въ насъ боги ищуть.

(Указывая на Ириду).

Или моей Ириды нѣжныхъ чаръ
И бѣлизны, и тонкихъ очертаній,
И васильковыхъ глазъ въ толпѣ рабынь
Сициліи и грубыхъ и мясистыхъ
Не забывалъ Зефиръ?

Нѣтъ, нимфа, нѣтъ!

Какъ лилія или звѣзда въ эфирѣ,

*) Приемные родители Геры.

Иль розовая тучка, для себя
Хотимъ мы быть, не для мужей прекрасны.
Плѣнять боговъ довольно и безъ насъ
Межъ дѣвами и женами найдется...

(Увидѣвъ Иксиона).

Но не однѣ вы, нимфы... Этотъ мужъ?..

Корифей.

Царь Иксионъ.

Иксионъ

(съ глубокимъ поклономъ).

Державнаго Кронида

Недавній гость. Онъ кубокъ жизни пилъ
Тамъ, на златистой выси. Только въ сердцѣ
И нектаръ, и улыбки, и туникъ
То бѣлыя, то розовыя волны.
И самъ Кронидъ, все въ сѣрое пятно
Слилось теперь, когда тебя онъ видитъ.

Гера.

Царь думаетъ, что аравійскихъ смоль
Въ моемъ Самосскомъ храмѣ было мало.

Иксионъ.

Я ничего не думаю... съ тобой
Я воздухомъ однимъ дышу... и счастливъ.

Гера

(помолавъ).

Ты опьяненъ недавнимъ счастьемъ, гость.
Перенеси на Ореадъ восторги...
Сердца у нихъ нѣжныѣ моего.

(Хочетъ взойти на колесницу).

А мнѣ пора... Благодарю васъ нимфы.

Иксіонъ

(съ живостью).

О не спѣши... Иль дальняя звѣзда
Моленія боится?.. Или тучка
Своихъ жалѣть розовыхъ паровъ?
Иль, чтобы ей влюбленный не дышалъ,
Не доцвѣтетъ лилея и завянетъ?
Ты красотой холодною, жена,
Мечтала имъ равняться. Развѣ хочешь
Быть холоднѣй лилеи и луны?

ГЕРА.

Ты дерзокъ, царь... я мать... и я любила.

Иксіонъ.

Ты говоришь: „любила“... а теперь?
Ты больше не ревнуешь, ты не любишь?
Ты золотыхъ не ненавидишь кось?

ГЕРА.

Га... Тяжкія слова... Ты видѣлъ нимфу?..

Иксіонъ.

Соперницъ-ли бояться, волны, вамъ
Душистыя и черныя?

ГЕРА.

Ты бредишь?

Иксіонъ.

Я никогда не бредилъ меньше... Нѣтъ,
Не брежу я... Съ тѣхъ поръ какъ грудь дыханьемъ

Моя полна, мнѣ кажется, тобой
Я только и дышала...

ГЕРА.

Но ты-жъ не видѣлъ,
Безумецъ, никогда меня...

ИКСИОНЪ.

Какъ тѣнь,
Ты надо мной жила. И невозможнымъ,
И сладкимъ сномъ дразнила...

Это ты

Мнѣ отравляла дни, сжигала ночи,
И все туда, на золотой Олимпъ
Меня звала съ собою.

ГЕРА.

Этотъ сонъ
Исполнился, ты видишь, Тессалиецъ...
Умѣренъ будь въ желаньяхъ... Ты не богъ...

ИКСИОНЪ.

О, если сонъ безумный къ этимъ высямъ
И уносилъ меня... То лишь затѣмъ,
Чтобы сказать тебѣ, что ты любима,
Какъ никогда никто ни на землѣ,
Ни на Олимпѣ золотомъ, ни въ нѣдрахъ
Аидовыхъ любить не могъ... Сказать,
Что ты меня не полюбить не можешь,
И что такихъ у Зевса пытокъ нѣтъ,
Которыхъ-бы боялся я.

Я знаю,

Что скажешь ты...

Нѣтъ, усть не открывай,
Пока Эротъ могучимъ дуновеньемъ
Дыханья ихъ, царица, не зажжетъ...

Г Е Р А.

Такимъ рѣчамъ тебя учила, вѣрно,
Та грустная подруга, Иксионъ,
Съ которою вы по дворамъ бродили,
Посмѣшищемъ для смертныхъ цѣлый годъ.

Иксионъ.

Да, можетъ быть, страданья обнажили
Передо мною душу. Только ты
Тамъ, въ глубинѣ ея, живешь съ рожденья,
Какъ воздухъ, какъ сознание, какъ я.

Г Е Р А

(задумчиво).

Ты сердце мнѣ тревожишь... Мы не слышимъ
Такихъ рѣчей на высяхъ золотыхъ.
Ихъ сладкій ядъ опасенъ и богинямъ.

Иксионъ.

Ты говоришь: ихъ ядъ. Но ложь и смерть
Таятся въ ядѣ... Развѣ лжетъ мой голосъ?
Мои глаза о смерти говорятъ?

Г Е Р А.

Или сильнѣй, чѣмъ боги люди любятъ?

Иксионъ.

Да развѣ боги любятъ? Развѣ тотъ,
Кто не страдалъ, кого не жгло сомнѣнье,

Когда-нибудь умѣлъ любить?.. Любовь
Безъ трепета и тайны... Какъ уборъ
Тѣхъ дальнихъ высей ледяной, царица,
Онъ нѣжить глазъ на солнцѣ... но его
Холодной радуги не любятъ нимфы...

Г Е Р А.

Иль оттого и насъ бросаетъ богъ,
А въ вашихъ дѣвѣ влюбляется?..

Иксіонъ.

Не знаю.

Ихъ для меня нѣтъ больше... Ни боговъ,
Ни женъ, ни дѣвъ... Будь островъ подо мною
Весь голубой отъ моря и отъ неба,
Иль розовая туча... Я твоихъ
Волосъ, твоихъ ланитъ, твоей туники
Искаль-бы красокъ тамъ и чаръ искаль.
Прости меня... Но у любви есть право...

Г Е Р А.

Царь Актеонъ погибъ изъ-за любви
Къ одной изъ насъ... Иль много васъ, безумцевъ?

Иксіонъ.

Я не умру. Я чашу жизни пилъ...
Но если-бы мучительный три раза
Свершая кругъ, три раза умереть
И вновь ожить три раза ты велѣла,
На зовъ-бы твой пошелъ я... чтобъ добыть
Тебя, жена... что муки! Я извѣдалъ
Всю горечь мукъ... Меня, рабовъ моихъ
Травили псы и рвали... Можетъ Зевсъ

Изобрѣсти, пожалуй, пытку, въ родѣ
Сисифовой... Но мы объ ней потомъ
Подумаемъ... Безсиленъ образъ муки
Расшевелить мой умъ... Меня пьянить
Дыханье устъ чуть слышное...

И нектаръ

Мнѣ сладостный и розовый твоихъ
Открытыхъ губъ мерещится...

О ночь!

О ночь волосъ твоихъ благоуханныхъ,
Сквозь эту ночь глядѣть на звѣзды глазъ,
Въ ней цѣловать твой бѣлый, жаркій мраморъ.

Г Е Р А

(къ *Ириды*).

О, нѣжная подруга! Ты скажи,
Чтобъ пересталъ, Ирида, Иксиону.
Вы, нимфы, отъ меня его возьмите.

И р и д а .

Что я скажу? Увы! Когда-бы такъ
Когда-нибудь меня любили, Гера.

Х о р ъ .

С т р о ф а .

На вѣткѣ росистой
Когда уже розовой тканью
Чуть-чуть золотистой
Тронъ Эосъ увить и обмотанъ,
Поетъ соловей голосистый.
И всякому въ мирѣ дыханью
Подъ розовой тканью
Такъ нѣжно, такъ сладко поетъ онъ
На вѣткѣ росистой.

Антистрофа.

Гляди — розовѣютъ
Верхушки нахмуренныхъ елей,
Эфиръ золотится;
И волны изъ темныхъ ущелій
Прохладна вѣютъ.
О, дай-же... О, дай-же, царица!
Любви и желанія трелямъ
На радость и нимфамъ, и елямъ,
Ихъ нѣжа, сребриться.

Г Е Р А.

Довольно чаръ... я золотыя крылья
Эроты видала. Онъ не разъ
Ихъ на груди моей слагалъ покорно,
И головой кудрявою ко мнѣ
Склонялся на плечо, летать усталый.
Его пожива слабыя сердца...
Не Герою владѣть ребенку. Царь,
Киприда мнѣ очарованьемъ новымъ
Глаза и станъ сегодня облила,
Но не тебя плѣнять она хотѣла.
И если ты на розовыхъ устахъ
Хотѣлъ прочесть желанье, Тессалійцы
Здѣсь не причемъ, повѣрь.

У очага

Кронидова меня увидишь завтра
Ты царственно-спокойною.

Пусть ночь

Желанная пройдетъ и мнѣ оставитъ
Воспоминаній нѣгу.

Для тебя-жъ

Лѣкарства я не знаю.

На соперницъ

Я иногда сержусь, но, право, въ счетъ
Не ставлю ихъ на долго. Золотистой
И никакой косы я не боюсь...
А ты забылъ, скажи, златую Диву?
Не долго-же ты любишь, Иксіонъ.
И слабое, должно быть, сердце хочешь
Лишь дерзостью желанія прикрыть.
Но ты красивъ... Давно твоихъ прекраснѣй
Я не видала глазъ... Забудь скорѣй,
Что говорилъ, и къ намъ веселымъ гостемъ
Вернись дѣлать нашъ пиръ... Тамъ нимфу я
Тебѣ отдамъ, Дориппу, царь, и будешь
Ты злато косъ душистое ласкать.

Становится на колесницу, потомъ снимаетъ съ головы лилію, закусываетъ ее и со смѣхомъ бросаетъ въ Иксіона; потомъ, по данному ею знаку, колесница быстро уѣзжаетъ. Иксіонъ протягиваетъ къ ней руки, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ за колесницей, но въ раздумьѣ останавливается; потомъ отходитъ къ дереву и садится, закрывъ лицо руками. Солнце закатывается. Быстро наступаетъ южная ночь. Ели и горы чернѣютъ и точно вырастаютъ.

КОММОСЪ.

ВМѢСТО ТРЕТЬЯГО МУЗЫКАЛЬНАГО АНТРАКТА.

ХОРЪ.

Строфа I.

Когда надъ землею усталой
Ночь на своемъ воздушномъ
Тихо челнѣ плыветъ,
Съ весельемъ ея черныхъ
Падаютъ людямъ на вѣки
Нѣжныя брызги.

Антистрофа I.

О дивная ночь, о дѣва!
Много даровъ везешь ты
Въ черномъ челнѣ своемъ,
Но изъ даровъ слаще
Нѣтъ и отраднѣй забвенья,
Сна-богоборца.

Строфа II.

Мы у тебя не просимъ
Свитка яркихъ видѣній,
Въ мракѣ твоемъ, царица,
Мы не хотимъ лобзаній.

Антистрофа II.

Дай Иксиону только
Черныя крылья друга,
Здѣсь, на холодномъ ложѣ,
Сонъ ему дай свинцовый!

ИКСІОНЪ.

Сна мнѣ не надо, нимфы.
Нимфы, она меня любитъ,
Сердце мое полно
Жаркимъ ея ароматомъ.

ХОРЪ.

Царь, перестань, безумный,
Сердце горѣло у Геры,
Видѣть горѣло Зевса,
Только его она любитъ.

ИКСІОНЪ.

Бросила мнѣ зачѣмъ-же
Лилію, дѣвы, Гера?
Слѣдъ отъ зубовъ остался
На стеблѣ ея нѣжномъ.

ХОРЪ.

Царь, ты женскаго сердца,
Сердца не знаешь Геры,
Чувства въ тебѣ дразнила,
Только играя, Гера.

Загорается луна полная и необыкновенно яркая.

ПЕРВАЯ НИМФА.

Сладкаго сна
Время настало...
Видишь луна
Тамъ, въ облакахъ заблистала.

ВТОРАЯ НИМФА.

Въ небѣ, смотри:
Тучка, что птица,
Плыветь, златится
Смотри... смотри.

ТРЕТЬЯ НИМФА.

Надо ложиться...
Тихо молитву, сестра, твори
Дивной на небѣ синемъ...
Мы до зари
Мховъ этихъ мягкихъ не кинемъ.

ЧЕТВЕРТАЯ НИМФА

(засытая).

Ты-же, луна, богинямъ...
Луна, богинямъ
Ярче гори,
Ярче гори!

(Молятся и мало-по-малу засыпаютъ).

Дѣйствіе четвертое.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Иксіонъ (одинъ) и спящій **Хоръ**.

Иксіонъ.

Одинъ... Зачѣмъ я ей давалъ уѣхать?
Зачѣмъ ея рабыни не столкнулъ
Съ злаченной колесницы? Иль на дышлѣ
Я не повисъ зачѣмъ ея? Зачѣмъ
Я не молилъ ее?.. Она съ собою
Меня звала... Безумецъ... Ночь идетъ...
Съ кѣмъ. съ кѣмъ она теперь?

Луна такъ ярко

Мнѣ свѣтитъ, точно что-то говоритъ...
Остановись, скажи мнѣ

Ты съ призывомъ?

Съ насмѣшкой ты? Ты съ жалобой луна?
Такъ вотъ о чемъ томился я? Гордыней,
Жестокостью, проклятьемъ... Чѣмъ любовь
Безумная не дѣлалась, скрываясь...
Я потерялъ ее... Неужто-жъ больше
Ее я не увижу?.. О, зачѣмъ
Я ей давалъ уѣхать? „Во дворцѣ
Мы свидимся“, она сказала... Развѣ-жъ
Туда вернусь теперь я?.. Для чего?

Чтобы въ глазахъ Кронида образъ Геры,
Ея любовь читать? О нѣтъ... О нѣтъ...
Проклятiе!.. Я жизнь отдать не властенъ
Властителемъ судебъ... но пусть-же кровь
По капль всю изъ сердца выпьешь, сила
Безвѣстная, пусть стану я куста
Изсохшаго печальнѣй и чернѣе,
И вѣтра безпріютнѣй, если ты
Мнѣ дашь сегодня Геру..

О, не смѣйся,
Тамъ, яркая, въ эфирѣ, да своей
Владычицѣ повѣдай заклинанье.

(Пристально глядитъ на луну).

Ты мнѣ сказала да? Сказала да?

Въ отдаленіи отъ Иксіона появляется высокая женская фигура
въ сѣромъ. Лицо у нея закрыто фатой; она худая, движенья
вкрадчивы, мягки. Это Апата *). Фигура ея, сначала туманная,
теперь ярко залита мѣсячными лучами. Она дѣлаеть нѣсколько
шаговъ къ Иксіону.

О, блѣдный духъ! Откуда ты? Луною
Ты рождена иль изъ глубинъ земли
Ты поднялась съ ночнымъ туманомъ, дѣва?

АПАТА.

Не спрашивай объ имени меня,
Царь Иксіонъ, и не проси, чтобъ дымку
Передъ тобой съ лица сняла я... Чары
Мои узнаешь скоро...

Иксіонъ

Ты сама
Услышала меня?.. Иль это Гера
Тебя ко мнѣ послала?

АПАТА.

Тише, царь!..

Мы не одни здѣсь.

(Указывая на спящихъ нимфъ).

ИКСІОНЪ.

Успокойся, дѣва...

Ихъ сладокъ сонъ невинный.

АПАТА.

Хорошо,

Что нѣжныя заснули нимфы. Тайна
Меня ведетъ, и ласточками ихъ
Я собиралась сдѣлать... Спите, нимфы.
Царь Иксіонъ... Я за тобой... Но силъ
И дерзости скопиль-ли ты, и сердце
Не дрогнетъ-ли твое предъ гнѣвомъ, царь?

ИКСІОНЪ.

О, дивная! Какой цѣной куплю я
Волшебную твою помощь? Нѣтъ,
Перуны мнѣ не страшны... Повтори,
Что я ее увижу.

АПАТА.

Ты обнимешь,

Я говорю, ее... Но только мукъ
Скажи мнѣ, царь, не ужаснешься-ль?... Эту
Добычу трудно выкрасть.

ИКСІОНЪ.

Чѣмъ тебя

Завѣрю я? Я клялся... Ты слыхала...

АПАТА.

Царь Иксионъ... Ты молодъ... Много ихъ
И нимфъ... и дѣвъ плѣнительныхъ, а Зевса
Еще свѣтла улыбка надъ тобой.

ИКСИОНЪ.

Не знаю, какъ назвать тебя, богиня,
И до твоихъ я не дерзну колѣнъ
Дотронуться съ мольбою, но коль бога
Иль смертнаго любовь когда-нибудь
Твоимъ владѣла сердцемъ... Заклинаю
Тебя, не медли больше... Часъ не дремлетъ...
Его минуты быстры... И никто
Златой не остановитъ колесницы...
Смотри — луна зоветъ насъ...

АПАТА.

А залогъ,

Залогъ, нетерпѣливый?

*(Протягиваетъ ему руку, идъ на четвертомъ пальцѣ
блещутъ два одинаковыхъ оникса).*

Мы не любимъ,

Но мы въ расчетахъ честны... Вотъ кольцо...
Дай, я тебѣ его надѣну.

(Надѣваетъ ему одно изъ колецъ на мизинецъ).

Завтра,

Когда пройдетъ блаженства ночь, съ тобой
Мы ихъ сличимъ... Я сѣрую фату
Здѣсь въ утреннемъ туманѣ предъ тобою
Приподниму и назовусь... Идемъ.

(Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Спящія **Нимфы** и **Лисса** (войдя на сцену она кого-то ищетъ).

ЛИССА.

Я тѣнь сестры узнала. Здѣсь Апата
Сейчасъ была. Какъ чешуя змѣи,
Въ травѣ она мелькнула... и царя
Ужъ нѣтъ... Въ сѣтяхъ ея онъ... Ужась... Ужась...

(Продолжаетъ искать потомъ останавливается).

Мой Иксионъ... Я мучила тебя,
Но я тебя любила... иго власти
Намъ тяжелѣй порою, чѣмъ быку
Его ярмо... Я мучила тебя,
Но я тебя любила. Я отравы
Безсмертія въ твой кубокъ не лила.
Гдѣ-жъ ваша правда, боги? взять у Лиссы,
Чтобы отдать Апатѣ... Пламя бреда
Смѣнить холодной ложью... Тихій гробъ
Неугасимой пыткой.

(Увидѣвъ нимфъ).

О зачѣмъ,
Зачѣмъ его пустили вы? Зачѣмъ
Не назвали коварной Иксиону?
Апата здѣсь бродила и ея
Дыханія вы, нимфы, не узнали?
Но дѣвы спятъ... Заворожила ихъ
Та, желтолицая, пожалуй...

(Подходя къ крайней златокосой нимфѣ).

Нимфа,

Дитя мое, проснись...

Между тѣмъ темнѣетъ. Ползутъ черныя тучи. Луна закрыта ими.
Поднимается вѣтеръ.

ПЕРВАЯ НИМФА

(еще не вставая).

Я не спала,
Но скована была я... Эта лампа
Меня околдовала.

(Приподнимается на локти и ищет глазами луны).

Погасилъ

Ее Кронидъ, иль тучею завѣсилъ...
Какъ хорошо *(встаетъ)*. Гей, сестры. Всѣ сюда!
Долой очарованье...

Здравствуй, Лисса!

ВТОРАЯ НИМФА.

Я слышала отъ слова и до слова
Ихъ разговоръ. Но мнѣ казалось, будто
Я сплю, и будто два крыла у плечъ
Тунику поднимають, а языкъ
Мой заострень, какъ птичій.

ТРЕТЬЯ НИМФА

(задумчиво).

Этотъ духъ
Подъ сѣрою былъ дымкой и названья
Онъ не хотѣлъ сказать, но ложь его
И холодъ рѣчь на сердце навѣвала.

Нимфы встають одна за другой, инья еще потягиваются.

КОРИФЕЙ

(Лиссъ).

Но какъ сюда попала ты, скажи,
Печальная богиня, и подземный
Зачѣмъ чертогъ покинула?

ЛИССА.

Увы!

Есть сила выше Лиссы, ореада:
И у нея подъ пеплосомъ дрожить
Любовью и печалью сердце.

КОРИФЕЙ.

Что-же

Ты хочешь дѣлать?

ЛИССА.

Умолять боговъ.

КОРИФЕЙ.

О чемъ? Не поздно развѣ?

ЛИССА.

Умолять,

Чтобы его мнѣ отдали...

КОРИФЕЙ.

Зачѣмъ?

ЛИССА.

Я-бъ увела его въ чертогъ мой черный
И сонъ дала ему, отраднѣй сонъ,
Чтобъ иногда объ игѣ власти грустной
Своей забывъ, украдкой приходитъ
Въ тотъ тихій домъ и любоваться спящимъ.
Онъ мой, его мнѣ отдали. И насъ
Связали мукой боги.

Корифей.

Нѣтъ, богиня...

Мечта его сбылась. И здѣсь ему
Объщано иное счастье было.

Лисса.

Увы! Увы!.. Зачѣмъ не знала я?

Корифей.

Здѣсь страшнымъ и торжественнымъ заклатьемъ
Самъ Иксионъ связалъ себя на вѣкъ.

Лисса.

Увы! Увы! Онъ больше не придетъ...

Корифей.

Я слышала, что дѣва съ Иксиономъ
Увидѣться хотѣла на зарѣ
На этомъ самомъ мѣстѣ...

Лисса.

Я увижу

Тогда его.

Корифей.

Зачѣмъ-же лишнихъ слезъ
Ты хочешь? Все равно, вѣдь Иксиона
Тебѣ не взять. Увы! расплата ждетъ
За эту ночь его.

Какъ душно, нимфы...

Гдѣ звѣзды? Гдѣ луна? Какія тамъ
Тяжелыя ползуть по небу тучи.
О, страшная! О, тягостная ночь!

(Цѣлая кисть молній, разсыпаясь, падаетъ изъ черной тучи. За ней безъ промежутка слѣдуетъ страшный, короткій ударъ. Потомъ другой, уже съ раскатомъ).

КОРИФЕЙ

(молитвенно поднимая руки).

Кронидъ отецъ! Ты въ гнѣвѣ. Пощади
Душистые сады и беззащитныхъ
Овецъ, и въ хижинѣ малютокъ спящихъ.

(Буря, гроза, порывами холодный, шумный дождь. Нимфы разводять костеръ. Лисса имъ помогаетъ).

ВМѢСТО ЧЕТВЕРТАГО МУЗЫКАЛЬНАГО АНТРАКТА.

Одна изъ нимфъ,
Отецъ, пощади
 Дрожащую дочь,
Ей страшно, ей холодно стало.
 Скорѣе, скорѣй уходи
На отдыхъ, владычица ночь,
 И черное прочь
И влажное скинь покрывало,
 Съ лилейной груди,
На плиты безмолвнаго зала.
 Отецъ, пощади
Дрожащую дочь,
 Ей страшно, ей холодно стало.

Хоръ.

Ты-же златомъ горя колесницы,
 И шафраномъ туники горя,
Подними, улыбаясь, рѣсницы,
 Розоперстая дѣва-заря,
И надъ розовымъ утромъ паря,
 Пусть проснутся веселыя птицы.

Буря продолжается порывами, но грозы и дождя нѣтъ. Нимфы молча молятся и въ темнотѣ мелькаютъ ихъ тонкія, бѣлыя руки. Потомъ, когда погода стихаетъ, онѣ садятся около потухающаго костра, и нѣкоторыя, прислонившись къ деревьямъ и кутаясь въ одежды, было сброшенныя на ночь, дремлютъ. Однѣ сидятъ опустьяголову; другія стараются согрѣться одна о другую, обнявшись. Лисса стоитъ молча, какъ зачарованная, не сводя глазъ съ той точки, гдѣ долженъ показаться Иксионъ.

Дѣйствіе пятое.

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Чуть брезжетъ зеленоватый холодный разсвѣтъ. Буря затихла, но вѣтеръ порывами еще кружить листья и брошенные нимфами цвѣты. Входитъ Апата подъ фатой. За нею Иксіонъ.

Иксіонъ, Апата и Хоръ.

Иксіонъ.

Какъ холодно и сыро здѣсь. Разсвѣтъ
Уныль и блѣденъ. Ризою зеленой
Едва прикрыто небо... Ба... цвѣты
Вчерашніе... И лилія... А нимфы...
Какую ночь бѣдняжки провели
Здѣсь у костра!

Но для чего-жъ такъ рано
Ты увела меня, богиня?.. Ароматъ
Ея цвѣтовъ дыханья мнѣ не нѣжить,
И волосы ея моихъ ланить
Горячихъ не щекочуть... Какъ далекъ онъ,
Тотъ тихій домъ, гдѣ спящею ее
Оставилъ я и жаркой... Ты жалѣла
Своихъ минутъ, но плату все равно
Ты заслужила честно.

АПАТА.

У твоей,
Какъ вѣрная раба, опочивальни
Я провела прескверно ночь, и спать
Мнѣ хочется ужасно. А тебѣ?

ИКСІОНЪ.

Мнѣ хочется вернуть ту ожиданья
Послѣднюю минуту... Шумъ шаговъ
Ея вернуть, и первый долетѣвшій
До слуха шелестъ шелковыхъ одеждъ.
И рѣдкіе и сильные удары,
Что отбивало сердце, пережить
Мнѣ хочется опять.

АПАТА

(звѣая).

Желанье странно.
Все въ этомъ воздухѣ пустомъ, увы!
Волшебное нелѣпо. И у насъ
Нѣтъ чаръ передразвѣтныхъ. Самъ Эротъ,
Самъ Діонисъ смущается предъ первой
Зеленою улыбкой утра, царь.

ИКСІОНЪ

(помолчанъ).

Расплаты ждешь ты, дѣва... Я остаюсь
Наединѣ хотѣлъ-бы.

АПАТА.

Что-же дать
Ты можешь мнѣ въ награду, Θεσσαλιεць?

Иксіонъ.

Что дать могу? Ты можешь, какъ змѣя,
Изъ этого всѣ выпить сердца соки.
Ты изсушить меня иль обратить
Въ косматаго медвѣдя можешь, дѣва.
О, за цѣной за вѣрную твою
Не постою я службу, чародѣйка...

АПАТА.

Нѣтъ, Иксіонъ. Ты счастливъ былъ, и мнѣ
Не надо ничего.

Иксіонъ.

Но кто-жъ ты, дѣва?
Ты кажешься не тою, что вчера...
И голосъ твой слабѣй, и станъ твой ниже...
Дай руку мнѣ.

АПАТА

(протягивая руку).

Возьми ее.

Иксіонъ

(отдергиваетъ руку).

Ай?

АПАТА.

Что?

Иксіонъ.

Что держишь ты въ рукѣ?

АПАТА

(равнодушно).

Свою игрушку,

Остатокъ чаръ вечернихъ.

ИКСІОНЪ.

Пробѣжалъ

По всей рукѣ морозъ.

АПАТА

(равнодушно).

Ты кольца, вѣрно,

Хотѣлъ сличить...

(Прикладываетъ свою руку съ кольцомъ къ его рукѣ).

Я та-же, Иксіонъ.

Но повтори, что точно былъ ты счастливъ.

ИКСІОНЪ.

Зачѣмъ тебѣ объ этомъ знать, жена?

АПАТА.

Я — не жена, во-первыхъ, и женою
Не сдѣлаюсь... Мнѣ слишкомъ жалокъ родъ
Вашъ слабый и надменный. Насмотрѣлась
Довольно я на Олимпійцевъ, царь,
Да и на васъ, мужчинъ, ихъ подражанья.

(Интимно).

Ты говоришь, что счастливъ былъ. Тебѣ
Она шептала, вѣрно, къ изголовью
Прильнувъ и бѣлою обвивъ тебя рукой,
Что никого такъ не полюбитъ. Мужа
Звала „старикъ“, не правда-ли?

Иксіонъ

(Закрывъ глаза рукою).

Оставь!

О не буди воспоминаній. Сердце
Возьми мое. Ты въ немъ сама прочтешь,
Чего забыть не въ силахъ я, но воздухъ
Чего не смѣетъ знать.

Но кто-же ты?

Ты имя мнѣ открыть хотѣла. Жертву
Я на алтарь твой долженъ принести.

АПАТА.

Ни алтарей, ни слезъ, ни обожанья
Не надо намъ. Но родомъ я горжусь
И имени таить не буду больше.
Апата я, и Ночью рождена.

(Иксіонъ слегка вздрагиваетъ).

Спустить фату ты, можетъ быть, прикажешь...
Ты нашъ должникъ, и я пока твоя
Прислужница, рабыня, Эссалиецъ.

(По легкому утвердительному знаку Иксіона, сбрасываетъ фату.
Большое и некрасивое лицо съ мѣшковатой желтой кожей,
будто налитое; маленькая дѣтская грудь подъ очень высокимъ
и пестрымъ поясомъ).

Иксіонъ.

Га... ужась... Образъ Лиссы на тебѣ.

(Лисса подноситъ къ глазамъ сжатые кулаки).

АПАТА.

Мы сестры, царь.

Лисса

(выступая впередъ).

Да, сестры... Но добычу
Перенимать мою съ какихъ-же поръ
Ты принялась?

Апата.

Напротивъ, я спасала
Дѣвичью честь твою. Вѣдь врагъ силенъ.
Не для себя-жъ, конечно, ессалийца
Я тѣшила, пойми...

Лисса.

Ты лжешь... Ты лжешь.

Иксіонъ

(останавливая ихъ жестомъ).

Оставьте споръ — онъ мало интересенъ.

(Лисса отходить въ сторону).

Апата, я должникъ твой?

Апата.

Лично мнѣ

Ты ничего не долженъ, нѣтъ...

Иксіонъ.

Но съ кѣмъ-же

Я расплачусь?

Апата.

Не торопись... Придетъ
Другой сюда за платою... Простимся.

Ты съ Лиссой годъ, съ Апатою только часть
Одинъ провель, но вѣрно веселѣе.

(Смотритъ на притаившуюся Лиссу; потомъ хочетъ идти и возвращается, увидѣвъ нимфъ, которыя уже не дремлютъ, а жадно прислушиваются).

Два слова, Иксіонъ. А знаешь ты
За что меня всѣ эти дѣвы... *(указываетъ на нимфъ)* даже...
Сестра моя родная, даже та,
Такъ искренно порою ненавидятъ?

(Таинственно и въ тоже время шутливо).

Вышучивать умѣю я любовь.

Иксіонъ.

Что хочешь ты сказать, не понимаю...
Моей... ты помогла.

АПАТА.

Кому могла

И помогла, а прочихъ обманула...
Рѣши-ка на досугъ и прощай.

(Уходитъ, Иксіонъ загоразживаетъ ей путь).

Иксіонъ.

Ты не уйдешь... Я не терплю загадокъ.

(Апата, пожавъ плечами, остается).

Апатою ты зовешься оттого,
Что лжи и чаръ въ тебѣ источникъ. Такъ вѣдь?
Ты чарами мнѣ помогла замки
Ея дворца сорвать? Ты усыпила
Ея рабынь? Не правда-ль? Повтори-жь
Что робости, стыда и даже гнѣва
Сломила ты опору... что любви
Ея дала ты разгорѣться?.. Правда?

АПАТА

(покачивая головой).

Нѣтъ, я зовусь Апатою, Иксіонъ,
Не потому, что доставала Геру.

(Пауза).

Иксіонъ.

Га... Тяжкій бредъ... Иль чарами опять
Меня опутать хочешь? Ты на ложе
Мнѣ привела царицу? Говори...
Или сама пришла она?.. И кто-же
Послалъ тебя? Не медли... отвѣчай!

АПАТА.

О, не проси отвѣта... Я—Апата,
Ты—Иксіонъ безумный. Развѣ-жъ мы
Не пара, царь? Была я Зевсу даже
Апатою разъ...

Иксіонъ

Ни слова... Ты... меня?

Ты предала меня?

АПАТА

(въ тонъ ему).

Когда-бы только

Длинная пауза. Свѣтлѣетъ. Показывается заря. Востокъ розо-
вѣетъ.

Иксіонъ.

Я таинства передъ тобой и этимъ
Межъ розовыхъ пеленокъ тамъ въ зѣирѣ
Новорожденнымъ солнцемъ не дерзну
Разоблачать, ты знаешь...

Но мнѣ стоить
Глаза закрыть... Со мной она... На мнѣ
Горятъ еще ея лобзанья.

Соннымъ
То не было мечтаньемъ. О, не лги...

(Беретъ ея руку со вторымъ кольцомъ и снимаетъ съ нея ониксъ).

Дай мнѣ кольцо свое. И тайну, дѣва,
Молю, душѣ измученной открой!
Я никогда такъ не страдалъ, сгорая
На медленномъ огнѣ.

(Съ усилениемъ).

Она была
Не Гера?

АПАТА
(тихо и серьезно).

Нѣтъ, она была не Гера.

Пауза.

ИКСІОНЪ
(криво усмѣхаясь).

Но кто-жъ была она? Или раба
Съ ней схожая, ты скажешь, или призракъ?

АПАТА
(шепотомъ).

Послѣднее.

ИКСІОНЪ.
Ты вызвала ее?

АПАТА.
Изъ нѣжнаго зеира и съ любовью
Я сдѣлала ее... И отличить

Ее не могъ отъ настоящей Геры
Всевидащій отецъ боговъ.

Иксіонъ.

Молчи!

Иль, нѣтъ... Скажи, что ты солгала. Развѣ
Тепло, и блескъ, и жизнь?.. Нѣтъ, никогда...
Твоимъ словамъ, Апата, я не вѣрю.

АПАТА

(окрадчиво).

Ты слышалъ голосъ Геры, Иксіонъ?

Иксіонъ.

Какъ ты хитра... Ты хочешь незамѣтно
Мой вынудить разсказъ...

О чистота!

О дѣвственность, которая боится
Любви, стыдится ласки, а во тьмѣ
Картинами желанья разжигаетъ...
Слова любви твердитъ себѣ, чтобъ ей
Безплодно слухъ они ласкали...

АПАТА

(настойчиво).

Голосъ?

Ты слышалъ голосъ Геры? Вспомни, царь.

Иксіонъ.

О тяжкое сомнѣнье... Развѣ ласки
Въ однихъ словахъ?

АПАТА

(въ тотъ же настойчивый тонъ).

Ты не слыхалъ его.
Я говорить ее не научила.

Воскликанія въ хорѣ.

ИКСІОНЪ.

Теперь ты лжешь, иль раньше ты лгала.
О Ночи дочь? Мутится разумъ... что...
Что говоришь?

АПАТА.

Ты самъ просилъ признаній...
Иль истины боится Иксіонъ?
Или любовь его была такою
Высокой и священной, что ея
Коснуться не дерзнуть и игры наши.
Нѣтъ, Иксіонъ, тебѣ я дивный сонъ
Сегодня подарила. Къ ложу Геры
Не подходилъ никто еще такъ близко,
Какъ подошелъ ты только что...

Мечта

Ожившая твоей не будетъ ярче
Ничья, повѣрь, Работой-же горжусь
По совѣсти своей... Она удачна...

ИКСІОНЪ

(проводя рукой по лицу).

Довольно лжи и правды... всей тебя,
Искусница, довольно. Повторяться
Ты начала... Уйди!.. Да не забудь
(срываетъ кольца и бросаетъ ей, Апата ловитъ на лету).

Своихъ колець... другихъ морочить.

Больше

Я за себя не отвѣчаю... Прочь!..
Кривою спираетъ горло пѣной,
Въ глазахъ огни. И давить, какъ котель,
На плечи голова.

А П А Т А.

Неблагодарный.

(Исчезаетъ).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Иксіонъ, Лисса и Хоръ.

Лисса подходитъ къ Иксіону сзади неслышными шагами и кладетъ ему руку на плечо.

Л И С С А.

Царь, ждетъ тебя расплата. Хочешь — мы
Уйдемъ отъ нихъ? Тебя я спрячу въ черный
Далекій домъ.

(Иксіонъ молчитъ).

Мученья ждуть тебя
И вѣчныя, подумай.

Иксіонъ.

Что тутъ думать?
Мнѣ все равно. Не лжетъ она? скажи!

Л И С С А.

Она не лжетъ... Но есть еще спасенье.

Иксіонъ.

Быть можетъ, лучъ надежды, что она
Солгала?

Лисса.

Я не думаю... Рѣшайся:
Ириду тамъ я вижу... О, бѣжимъ,
Бѣжимъ. Тебя люблю я, это странно,
Но я тебя люблю...

Иксіонъ

(вздраивая).

Ползи, змѣя,
Въ свою нору... Твоихъ услугъ не надо.
*(Отталкиваетъ ее ногой. Лисса молча и ни на кого не
лядя уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же безъ **Лиссы** и **Ирида** (сверху).

Корифей.

О, дивная! Ты, точно солнца лучъ,
Отраднa намъ послѣ кошмара ночи.

Ирида.

О нѣжныя и бѣдныя мои
Подруги... Вы еще дрожите... Буря
Измяла васъ, цвѣты садовъ моихъ.

Корифей.

Ты поднялась такъ рано?

Ирида.

Неспокойно
Мы провели, о нимфы, эту ночь.

Корифей.

Мирила ты?

Ирида.

Мирила.

Корифей.

Что-жь? Удачно?

Ирида.

Рѣшай сама... Когда на царскій пирь
Пріѣхали мы съ Герой,

(Иксіонъ поднимаетъ голову и жадно слушаетъ).

Пирь кончался,

И по своимъ чертогамъ расходились
Безсмертные. Но за столомъ еще
Сидѣлъ Кронидъ, и кубокъ золотой
Ему Дориппа наполняла. Быстро
Къ ней подошла царица и на столъ
Изъ рукъ ея выплескиваетъ кубокъ...
И розовымъ сталъ мраморъ, розы-жь губъ
И нѣжныхъ щекъ у Геры побѣлѣли.
Но глазъ поднять на грознаго царя
Она еще не смѣла.

Тихо-тихо

Изъ подъ рѣсницъ украдкой, наконецъ,
Она кидаетъ взоръ... другой, смѣлѣе
Потомъ, но такъ спокоенъ Зевсъ сидѣлъ;
Лишь странная усмѣшка между глазъ
Лучистыхъ пробѣгала.

Точно что-то

Припоминалъ онъ давнее. И всѣ,
Кто былъ еще въ чертогѣ, мы примолкли.
На розовую нимфу, между тѣмъ,
Что, отъ стыда очей поднять не смѣя,

Ирида.

Не простилъ

Кронидъ жены... Не мало чаръ и ласки
И даже слезъ царица пролила,
И все напрасно было... Напослѣдокъ
Она его рѣшилась насмѣшить...
И смѣхомъ взять. Она ему сказала...
Она ему сказала... Нѣтъ, оставь:
Зачѣмъ тебѣ подробности?

Иксіонъ

(хрипло).

Ты скажешь

Не имъ, а мнѣ.

Ирида.

Царь Иксіонъ, молчи

И если есть убѣжище, спасайся.

Иксіонъ

(обнимаетъ ея колѣни).

О нѣжная, о добрая, твои
Не лгутъ глаза, и свѣтлою улыбкой
Уста твои алѣютъ. Не таи-же
Всей истины...

Иль ты ее сказала?

Ирида

(лаская ему волосы).

Обмануть ты, несчастный Иксіонъ.

Иксіонъ.

Я знаю, что обмануть, что рабыню
Иль призракъ я на ложѣ обнималъ,

Я пережилъ ужъ эту муку. Муки
Иной я жду изъ устъ твоихъ, жена,
Страшнѣе той, что пережилъ... Апату
Кто-жъ посылалъ ко мнѣ, скажи.

Ирида.

Зачѣмъ?

Зачѣмъ тебѣ слова мои?

Иксионъ.

Кронидовой

Посланницей была она, скажи?

Ирида.

Ее послалъ Кронидъ... Довольно, бросимъ
Безплодныя сомнѣнья... Иль, помимо
Кронида что творится на землѣ?

Иксионъ.

Ее послала Гера?.. Слушай... Гера?..

Ирида.

Ты этого хотѣлъ... Ну что-жъ узнай...
Ее послала Гера...

Иксионъ.

Горе!.. Горе!..

Пауза.

Безсмертіе... Ты, кубокъ жизни, вамъ
Проклятія мои... и пусть-же вмѣстѣ
Когда нибудь съ Кронидомъ и Олимпомъ

И съ Герою, которую любилъ
Я больше, чѣмъ вмѣстить душа умѣла,
Васъ черный адъ пожретъ... Проклятье вамъ!..

Изъ среды нимфъ раздается жалобный вопль. Нѣкоторыя пугливо
убѣгаютъ. Другія остаются, но сбившись, какъ стадо въ бурю.
Ирида молча уходитъ и показываетъ имъ на Гермеса и Гефеста,
которые въ это время спускаются съ вершины.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ и послѣднее.

Иксионъ, Гермесъ и Гефестъ; онъ прихрамываетъ и несетъ
цѣпь, молотъ и клещи.

Иксионъ

(сдержанно и кланяясь).

Вотъ, наконецъ, развязка. Мой привѣтъ
Приспѣшникамъ державнаго Кронида.

Гермесъ

(отдавая поклонъ).

Царь Иксионъ проститъ мнѣ каламбуръ,
Но для него въ *развязкѣ* будутъ *узы*.

Иксионъ

(указывая не итъ).

И даже цѣпь. Нельзя-ли поскорѣй.

(протягиваетъ руки).

Избавлю васъ отъ обвиненья, боги.
О дѣлѣ я не менѣе, чѣмъ вы,
Освѣдомленъ. И желтая Апата,
И нѣжная Ирида, ужъ о Лиссѣ
Не говорю, и всѣхъ семи цвѣтовъ
Меня давно здѣсь нимфы охраняютъ.

ГЕРМЕСЬ.

Тѣмъ лучше, царь. Но цѣпи вѣдь не все.
Другая казнь отцомъ моимъ тебѣ
Назначена державнымъ.

ИКСІОНЪ

(слеза вздрагивая).

Остается

Мнѣ что-нибудь и новое узнать?
Я слушаю тебя, крылатый вѣстникъ.
А ты, Гефестъ, и тяжкій молотъ твой
Ручаются за артистичность пытки.

ГЕРМЕСЬ.

Ты, можетъ быть, освободишь посла
Отъ лишнихъ словъ? Я объяснить-бы долженъ
Тебѣ значенье кары, что Кронидъ
Въ неизреченной милости тебѣ
Назначилъ вмѣсто Тартара, безсмертный.

ИКСІОНЪ.

Освобождаю, да.

ГЕРМЕСЬ.

Царь Иксіонъ,
Кронидъ велѣлъ Гефесту обручъ сдѣлать,
Ужъ изъ чего не знаю. Ты на немъ
Своимъ распятымъ тѣломъ образуешь
И втулку, царь, и спицы. Къ ободку-жъ
Тебя притянуть не канаты — змѣи.

Иксіонъ вздрагиваетъ.

Въ томъ обручѣ волшебномъ будешь ты
Кататься по ээиру, раскаляясь

Отъ быстрого круженья, а когда
Ты на пути щить Гелія огромный
И жаркій встрѣтишь, царь, то вмѣстѣ съ нимъ
Кружиться долго будешь.

ХОРЪ.

Ужась! Ужась!

ГЕРМЕСЬ.

И, ложе ласкъ покинувъ по утру,
Любовники счастливые на солнце
Глядѣть иные будутъ и игрой
Веселою свѣтила любоваться.

ИКСИОНЪ.

Мятется духъ невольно. Есть-же срокъ
Какой-нибудь для пытки?

ГЕРМЕСЬ.

Ты не думаль
О срокѣ, царь, когда ты золотой
У Гебы бралъ и жизни полный кубокъ.

ИКСИОНЪ.

Ты правъ, Гермесь... Но человѣкомъ я
Рожденъ. Предѣлъ для силъ моихъ положенъ.
Вѣдь чувствовать и муку наконецъ,
Когда-нибудь, пойми, я перестану.

ГЕРМЕСЬ.

На этотъ счетъ спокойны мы. Кронидъ
Расчетливъ, какъ никто. Близъ ложа солнца
На влажномъ и багровомъ ложѣ ты

Два раза въ годъ подремлешь. Не отраду,
Тебѣ отецъ даруетъ. Онъ продлить
Твои, о царь преступный, муки хочетъ

Пауза.

Иксіонъ.

Ты ждешь моихъ проклятій...

Говорятъ,

Что человѣкъ, идя на казнь иль пытку,
Прощается и проклинаятъ.

Нѣтъ,

Вся изъ груди моей ужъ вышла злоба

Да, мука мнѣ страшна... и только, богъ...
Идемъ, пока не отказались ноги

(Къ хору).

А вы цвѣтите, нимфы... Да прости
Мое сказать не позабудьте... Герфъ...

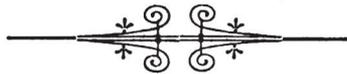
Корифей.

Прости и насъ, страдалецъ. За тебя
Мы никогда молиться не устанемъ.

(Иксіона заковываютъ и уводятъ. Въ хорѣ слышится плачь).

Не надо слезъ... Но пѣсенъ и цвѣтовъ
Не надо также... Молча на вершины
Пойдемъ и тихо... Человѣка мучать.

(Хоръ молча уходитъ).

25-E

USA
12-30
MB. 203 B22

12/22

20

1115 502257

Цѣна 75 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

ВЪ „ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УЧЕБНОМЪ МАГАЗИНѢ“.

С.-Петербургъ, Петерб. стор. Больш. пр. 6.

BR1
-00 4190

